З. 37.
III. 77.
II. 5.
№ 31.

Лидія Чарская.

37.77.5.31

Свои, не бойтесь!

Петроградъ.
1915.

Лидія Чарская.

СВОИ, НЕ БОЙТЕСЬ!

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова, Лермонтовскій пр., д. 28.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Свои, не бойтесъ!	1
Отецъ	12
Платформа № 10	37
Мститель	59
Левушка	73
Дѣвушка съ кружкой	90
Двое и одинъ	107
Бирюзовое колечко	119
Дорогою цѣною	131

Свои, не бойтесь!

I.

Все, казалось, оставалось по-старому. Дремали старые каштаны въ главной аллеѣ. Тихо ропталъ старинный, еще при прадѣдахъ поставленный здѣсь, фонтанъ. Бѣлыя мраморныя статуи эффектно выдѣлялись на тронутой пурпуромъ и багрянцемъ листвѣ деревьевъ. Какъ заколдованная принцесса въ сказкѣ, спала глухая чаща стараго помѣщичьяго сада. А за тыномъ его золотились поля, убранныя по-осеннему, со своей короткой гривкой вмѣсто срѣзаннаго буйнаго колоса. Уходилъ въ небо стрѣльчатый куполъ розоваго костела, вокругъ котораго ютились дома сельчанъ. Совсѣмъ по сосѣдству съ ними находился лѣсъ, угрюмый и таинственный въ эту раннюю пору осени.

Когда панна Ванда вбѣгала на садовый холмикъ, что высился надъ тыномъ въ дальней сторонѣ сада, ея молодые глаза сразу различили все далекое — и людей въ селеніи, и ребятишекъ на лѣсной опушкѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ началась война съ „москадями“ и взяли въ австрійскіе легіоны обоихъ братьевъ Ванды, красавцевъ Юзика и Казиміра, молоденькая панна изъ усадьбы Лѣсные Ключи каждое

утро взбѣгала на зеленый холмъ у тына и, заслонивъ глаза отъ солнца, долгими часами глядѣла на дорогу, въ надеждѣ увидѣть хоть случайно проходящія мимо войсковыя части, откуда можно было бы почерпнуть свѣдѣнія объ ушедшихъ.

Отъ Казиміра и Юзефа Картовецкихъ давно не было извѣстій—съ самой той поры, какъ позвали ихъ на мобилизацію въ Краковъ. Правда, была открытка съ привѣтствіемъ, присланная съ дороги, но то еще до боя. Старая мать, вдова, пани Картовецкая, всѣ глаза выплакала по своимъ любимцамъ. Поневолѣ и сердечко Ванды било тревогу. Какое жуткое время приходилось переживать!

II.

Былъ день рожденья панны Ванды. Къ утру смуглая Ануся принесла ей гладко выглаженное швейцарское платье, воздушное и легкое, какъ сонъ, расчесала и спустила двѣ тяжелыя косы вдоль стана, и стала молоденькая Ванда похожей на Мадонну въ этомъ странномъ бѣломъ нарядѣ.

Утромъ она ѣздила въ костелъ исповѣдаться и пріобщиться святыхъ тайнъ у пана ксендза, а также помолиться за Юзика, за Казю, за всѣхъ, кто сражался. Она жарко молилась въ это утро и плакала горько, тяжело, несмотря на то, что былъ день ея рожденія, всегда радостный, веселый, пріятный, Увы! теперь не было радости и веселья у молоденькой панны Ванды и, минутами отрываясь отъ своего горестнаго настроенія, она вспоминала недавнее прошлое.

Такъ ли праздновали день ея рожденья въ прежніе счастливые годы? Тогда гремѣла музыка (приглашали изъ Львова военный оркестръ), плясали краковякъ и мазурку до самаго солнечнаго восхода. Шампанское лилось рѣкою. Молодыя пани и паненки, жены и дочери сосѣднихъ помѣщиковъ, лихо постукивали высокими каблучками въ тактъ бряцанія шпоръ своихъ кавалеровъ.

А теперь гдѣ они, эти кавалеры? Всѣ на войнѣ, воюютъ съ москалями, поливая кровью своею каждую пядь земли. Вонъ, говорятъ, русскіе побѣждаютъ все время. А насколько это правда, здѣсь даже и не знаютъ. Всѣ газеты только и заняты прославленіемъ подвиговъ славнаго австрійскаго воинства, разбивающаго врага на каждомъ шагу. На дѣлѣ же слышно совсѣмъ иначе: австрійцы отступаютъ, а москали преслѣдуютъ ихъ чуть ли не по пятамъ.

III.

— Анелька, Марина, Людовика, Зося! Здравствуйте, здравствуйте, золотенькія мои! Рада, что пріѣхали поскучать со мною нынче! Ужъ извините, не по обычному примемъ сегодня. Какой ужъ день рожденья, когда ни музыки не будетъ, ни обѣда званнаго, ни танцевъ до утра! Чашку шоколада, фрукты и бокалъ стараго венгерскаго можемъ предложить мы нынче и только.

— И вздоръ же ты мелешь, Вандуся! Не для угощенья пріѣхали, слава Богу, а тебя повидать.

— Такъ ужъ не осудите, во имя Бога!

— Ахъ, ты, проказница!—и молодой, серебри-

стый дѣвичій смѣхъ сразу наполнилъ всѣ уголки громаднаго помѣщичьяго дома.

Хотя никого не приглашали нынче въ день рожденія дочери старуха Картовецкая, а не утерпѣли молоденькія паненки и — кто верхомъ, кто въ тарантасѣ, кто въ помѣщичьемъ шарабанчикѣ — пріѣхали въ Лѣсные Ключи навѣстить хорошенькую Ванду. Прискакала на взмыленномъ ворономъ конѣ дочь земскаго, смуглая Анелька Косаковская съ быстрыми, какъ буря, глазами и съ ярко-малиновымъ смѣющимся ртомъ. Прикатили въ своемъ допотопномъ шарабанчикѣ помѣщицы Магда и Зося Пшебыцкія, обѣ румяныя свѣжія, веселыя хохотушки. Пріѣхала княжна Марина, дочь князя Любовицкаго, черноволосая, синеглазая красавица съ груднымъ, какъ музыка, контральто, и Людовика, дочь землемѣра, и даже младшая сестрица пана ксендза, Текла, тоже не позабыли явиться поздравить новорожденную.

Звономъ свѣжихъ молодыхъ голосовъ сразу наполнился пріунывшій было помѣщичій домъ. Молодое общество суетливо разсѣлось вокругъ чайнаго стола, а къ нему вскорѣ выплыла изъ внутреннихъ покоевъ дородная пани Маргарита Картовецкая.

Много слезъ пролила она въ послѣднее время по ушедшимъ въ армію сыновьямъ, такъ много, что глаза ея совсѣмъ распухли, а губы уже не улыбались ласковой, специфической улыбкой польской женщины.

Смуглая Ануся и старый лакей Михаилъ стали разносить дымящійся въ чашкахъ ароматичный що-

коладъ и бокалы съ венгерскимъ. На столѣ были аппетитно разставлены домашніе торты и печенье. Нарядныя дѣвушки щебетали, какъ птички.

— Конечно недостаетъ кавалеровъ, — играя черными глазами, сказала кокетливая, бѣдовая Анелька,—конечно безъ мужчинъ и праздникъ не въ праздникъ, но все же пріятно и такъ поболтать, подѣлиться впечатлѣніями и ужасами войны, поплакать подъ шумокъ о тѣхъ, кто милъ сердцу и кто сражается на бранномъ полѣ.

Едва договорила эти слова черноглазая паненка, какъ молодое оживленіе нарушилъ полный ужаса крикъ, отчаянной дикой нотой донесшійся со двора:

— Казаки! Спасайтесь, казаки!

Смуглая Ануся, выронивъ чашку съ шоколадомъ, схватила за руку Ванду, шепча съ помертвѣвшимъ лицомъ:

— Спасайтесь, паненки, спасайтесь во имя Господа! Матка Боска! Езусъ-Марія! Сердце Езусово! Казаки! Казаки!

Молоденькія гостьи Картовецкихъ повскакали со своихъ мѣстъ и заметались по комнатамъ.

— Кто сказалъ? Откуда?

— Казаки! Вѣрное слово, они!

— Близко уже, на опушкѣ лѣса, Матерь Божья! Всѣхъ насъ переколятъ-Езусъ-Марія! Сердце Езусово Казаки. Забьютъ! — продолжалъ кричать во дворѣ! тотъ же голосъ.

Страшный переполохъ и волненіе достигли высшей точки своего напряженія.

Волновались не даромъ. Кромѣ стараго Михаила да садовника и кучера, не было другого мужского персанала въ усадьбѣ Картовецкихъ. Изъ деревни тоже большая часть мужского населенія была угнана на войну. Да и что могли сдѣлать нѣсколько десятковъ невооруженныхъ сельченъ съ лихимъ казачьимъ отрядомъ?

Старая пани Маргарита Картовецкая первая сообразила все это. Мелькнула въ ея старой головѣ мысль, что хорошо бы спрятать Ванду и остальныхъ дѣвушекъ куда нибудь подальше, пока здѣсь будутъ хозяйничать казаки; а то, не приведи Іисусъ, наскочатъ эти лихіе воины тучею—тогда не сдобровать молодежи. Вѣдь вотъ что въ газетахъ-то про нихъ пишутъ: говорятъ, казаки живьемъ ѣдятъ захваченныхъ въ плѣнъ.

Но, прежде чѣмъ исполнить мелькнувшее въ головѣ намѣреніе, пани Маргарита сказала ревѣвшей благимъ матомъ Анусѣ:

— Ты бы пошла да узнала толкомъ. Гдѣ они? Близко ли?

— Я пойду узнаю, мамочка,—промолвила Ванда голосомъ, звенящимъ отъ волненія, но полнымъ рѣшимости. — Я сбѣгаю сама на свой холмъ. Оттуда все видно, какъ на ладони.

— Что ты, что ты! Господь съ тобою! Да я скорѣе умру, чѣмъ отпущу тебя одну!—въ испугѣ пролепетала старая пани.

— Тогда лучше мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ, — предложила княжна Марина Любовецкая, и ея синіе глаза сквозь отражавшуюся въ нихъ дымку страха загорѣлись невольнымъ любопытствомъ.

На это предложеніе старая пани, хозяйка Лѣсныхъ Ключей, ничего не возразила, — надо же узнать какъ нибудь.

Густой, маленькой толпой поспѣшили всѣ въ садъ. Впереди шла старая пани, за нею—паненки, позади — Ануся, садовникъ и Михаилъ. Мимо бѣлыхъ статуй и мраморнаго фонтана всѣ торопливо спѣшили по каштановой аллеѣ. Лица всѣхъ были блѣдны, тревогой горѣли глаза.

Первой вбѣжала на холмъ пана Ванда, стала всматриваться въ даль, укрывшись отъ солнца рукою. Но не долго смотрѣла она; уже черезъ минуту обернувшись съ просвѣтленнымъ лицомъ весело крикнула:

— Вотъ такъ казаки! Нечего сказать! Казаки! Какіе же мы всѣ глупые, однако!.. кого за москалей приняли! Успокойтесь, мамочка, Анелька, Марина, Людовика!.. Это же свои;—не бойтесь!

IV.

Снова собрались въ столовой гости пани Картовецкой. Но теперь ихъ стало вдвое больше прежняго. За столами, вперемежку съ барышнями, сидѣли австрійскіе уланы-офицеры: черноусый лихой начальникъ отряда и еще четыре молодые офицера. А на кухнѣ, въ людской и на дворѣ смуглая Ануся съ помощью другой прислуги угощала домашними запасами размѣстившихся тамъ солдатъ. Остальная ихъ часть осталась въ селеніи.

Невеселы были случайные, незванные гости пани Картовецкой. Даже старое, чуть ли не съ

сотню лѣтъ выдержанное въ помѣщичьихъ погребахъ венгерское не могло развлечь ихъ. Вдобавокъ всѣ были голодны, какъ волки, и съ жадностью кинулись на колбасу и окорока, всегда имѣвшіяся въ запасѣ у хозяекъ Лѣсныхъ Ключей. Они ѣли торопливо и между ѣдою сообщали нерадостныя вѣсти.

Австрійскія войска принуждены были отдать Львовъ и теперь отступаютъ къ Кракову. Русская армія слѣдуетъ за ними по пятамъ. Сами демоны помогаютъ москалямъ: сверхчеловѣческіе переходы совершаютъ они въ самый непродолжительный срокъ.

Уланы могли бы разсказать еще кое что, благо старое венгерское, выпитое на отощавшій желудокъ, ударило въ головы, а глаза юныхъ паненокъ такъ и вырывали слова у нихъ изо ртовъ.

Однако уланамъ было не до этого—они больше налегали на венгерское и закуску, нежели на болтовню.

Это отразилось вскорѣ и на барышняхъ. Начавшееся было молодое оживленіе при встрѣчѣ своихъ погасло въ самомъ корнѣ. Нечего было и думать о кокетствѣ, о легкомъ, невинномъ флиртѣ. Дѣвушки притихли. Даже пламенные глаза Анельки, бросавшіе до этой минуты краснорѣчивые взгляды въ сторону браваго красавца-ротмистра, какъ-то погасли сразу.

Начальникъ отряда вскорѣ уѣхалъ въ селенье, а его уланы остались въ имѣньѣ. Имъ было приказано устроиться тутъ на постоѣ, причемъ пани Картовецкой было вручено письменное распоряженіе о томъ.

Молодыя гостьи Ванды разъѣхались засвѣтло. Хозяйки со своими постояльцами остались однѣ. Офицеры продолжали пить въ столовой, солдаты—на дворѣ подъ открытымъ небомъ. Все чаще и чаще доносились со двора ихъ пьяные возгласы и крики. Уже смуглая Ануся прибѣжала въ горницы съ разорваннымъ лифомъ и заплаканнымъ лицомъ, жалуясь на солдатъ, позволявшихъ съ нею грубыя, непристойныя шутки. Но заступиться было некому—всѣ находившіяся въ горницѣ офицеры были мертвецки пьяны.

V.

Ванда лежала въ своей чистой дѣвичьей постели и съ испугомъ прислушивалась къ пьянымъ крикамъ и хохоту, все еще доносившимся со двора. Къ этимъ крикамъ вскорѣ присоединились женскіе голоса, какой-то визгъ, вопли. Нѣжная и хрупкая Ванда дрожала въ своей дѣвичьей узкой кроваткѣ.

Изъ угла комнаты на нее смотрѣло Распятіе, озаренное дрожащимъ свѣтомъ лампады. Съ неясной молитвой обратилось къ Нему сердце маленькой дѣвушки. Но о чемъ надо было просить Небо, Ванда не могла сейчасъ уяснить себѣ. Вѣдь бушевавшіе внизу солаты были „свои“ солдаты, защитники той страны, къ которой принадлежала и она сама. Стало быть, нечего было бояться ихъ. А, между тѣмъ, эти дикіе крики и хохотъ невольно внушали страхъ.

Вдругъ отчаянный вопль прервалъ мысли Ванды,

за нимъ послѣдовалъ еще вопль и еще. Не было сомнѣнія—кричала Ануся.

„Да, это — она... ея голосъ, ея крикъ", — съ ужасомъ подумала Ванда.

На мгновеніе крикъ затихъ, но затѣмъ снова жуткимъ, хлещущимъ по нервамъ звукомъ понесся со стороны сада.

Не помня себя, вскакиваетъ съ постели Ванда, подбѣгаетъ къ окну и при свѣтѣ фонарей, ярко освѣщающихъ дворъ, видитъ: трое уланъ, отбившихся отъ общей группы пирующихъ на дворѣ солдатъ, тащатъ отчаянно вырывающуюся изъ ихъ рукъ Анусю.

Тогда Ванда быстро накидываетъ на себя халатикъ, распахиваетъ дверь спальни и несется въ столовую, гдѣ, какъ она знаетъ, еще бражничаютъ офицеры. Ей надо тотчасъ же открыть имъ глаза на поступки ихъ подчиненныхъ, не медля ни минуты, просить ихъ заступничества и выручить Анусю. Съ этою мыслью она и бѣжитъ туда.

На порогѣ смежной со столовой комнаты чьи-то руки неожиданно схватываютъ ее въ темнотѣ, чьи-то дерзкіе пальцы сжимаютъ ея плечи, чьи-то отвратительныя, пахнущія виномъ губы присасываются къ ея губамъ. Ея обнаженныя руки касаются холодныхъ пуговицъ мундира.

— Куда, моя крошка, куда? — слышитъ Ванда говорящій по-нѣмецки пьяный отъ вина и животной страсти голосъ одного изъ своихъ гостей, едва держащагося на ногахъ.

Съ силой отталкиваетъ его отъ себя дѣвушка. Уланъ-австріецъ шатается и падаетъ на полъ. Нецензурная ругань срывается у него съ губъ.

Но въ тотъ же мигъ другія руки подоспѣвшаго сзади другого улана схватываютъ Ванду.

— Нечего съ нею церемониться! — бормочетъ онъ пьянымъ лепетомъ, перемѣшивая нѣмецкую рѣчь съ польской,—поляки—тѣ же руссы, то же проклятое славянское племя... предатели и перебѣжчики, какихъ мало. Тащи же ее сюда, къ намъ, дѣвченку, Людвигъ! Въ женскомъ обществѣ куда будетъ веселѣе пировать!

Это — послѣдняя фраза, которую слышитъ Ванда. Къ своему счастью, или несчастью она теряетъ сознаніе въ тотъ же мигъ.

Отецъ.

I.

Въ этомъ году особенно оживленнымъ казался сезонъ въ небольшомъ австрійскомъ курортѣ близъ австро-германской границы. Старожилы курорта не запомнятъ другого такого громаднаго стеченія публики. Кокотки всѣхъ странъ и національностей, дамы общества и пріѣзжія на грязи артистки эффектно пестрили широкую и прямую, какъ стрѣла, аллею Изабеллы. Съ утра до вечера то въ одной части парка, то въ другой гремѣла музыка. Красиво выдѣлялись въ зелени каштановъ и пихтъ, на бѣлыхъ стѣнахъ ротондъ, подъ кровлями которыхъ пріютились источники, голубые, бѣлые и черные мундиры офицеровъ гвардейскихъ полковъ, квартировавшихъ тутъ же поблизости, въ десяти верстахъ отъ курорта, въ старинномъ городѣ, сохранившемъ до сихъ поръ свой средневѣковый стиль и развалины замка Валленштейнъ. Веселая болтовня, флиртъ на всѣхъ языкахъ и среди смѣшанныхъ національностей, постоянная смѣна туалетовъ, нестерпимый ароматъ бархатистыхъ маленькихъ австрійскихъ розъ, продаваемыхъ тутъ же въ кіоскахъ, и опять музыка, специфически опереточная музыка курортовъ, до-

водящая до бѣшенства однообразіемъ своихъ мотивовъ.

Семья Ремизовыхъ лечилась усердно. Старикъ-отецъ, полковникъ въ отставкѣ, аккуратно по два раза въ день пилъ свое Salzquelle [1]) и долго потомъ шагалъ, измѣряя длинную аллею Изабеллы. Maman Ремизова брала грязевыя ванны послѣ какой-то женской затяжной болѣзни, грозившей перейти, по приговору докторовъ, въ хроническую, если бы она пренебрегла, паче чаянія, ихъ совѣтами посѣтить Энскія грязи въ Австріи, „самыя сильныя грязи міра“. Брала такія же ванны отъ катарра желудка и юная Маруся, пятнадцатилѣтній подростокъ и младшій членъ семьи Ремизовыхъ, благобадскія грязи лечили и катарръ желудка, какъ лечили и геморрой полковника Павла Федоровича, и женскую болѣзнь полковницы Наталіи Семеновны.

Изо всей семьи не лечилась одна только Нина. Смуглая, темноглазая красавица, съ насмѣшливой улыбкой и горделивымъ поворотомъ изящной головки, съ профилемъ камеи и смуглымъ лицомъ, она производила на первый взглядъ впечатлѣніе креолки. Отъ бабушки цыганки достались ей эти черные страстные глаза, эти чувственныя алыя губы и трепещущія ноздри очаровательнѣйшаго въ мірѣ носа „Die schöne Russin [2])“ прозвали ее австрійскіе офицеры, толпою слѣдовавшіе за нею по аллеѣ Изабеллы въ часы „воспріятія водъ“.

---

[1]) Соляной источникъ.

[2]) Русская красавица.

Нечего и говорить, что Нина Ремизова своей внѣшностью и костюмами, выписанными изъ Парижа (отставной полковникъ имѣлъ большое имѣніе въ черноземной полосѣ Россіи, дававшее прекрасный доходъ), считалась самой интересной барышней курорта. Она получила первый призъ за красоту на пресловутомъ куръ-фестѣ, не говоря уже о другихъ наглядныхъ доказательствахъ ввидѣ десятковъ присылаемыхъ ей каждое утро букетовъ розъ отъ тайныхъ и явныхъ ея поклонниковъ.

Впрочемъ послѣдніе далеко не могли похвастать успѣхомъ у „Schöne Russin“. Нина хотя и танцовала очень охотно со всею курортною молодежью по субботамъ на „Tanz-reunion“ [1]) въ зданіи курзала и выслушивала ея однообразные вздохи на неизбѣжныхъ утреннихъ и вечернихъ „водныхъ“ прогулкахъ по главной аллеѣ подъ звуки оркестра, добросовѣстно отмахивавшаго модные номера изъ оперетты „Графъ Люксембургъ“ или „Разведенная жена“, но тѣмъ не менѣе никто изъ этой разноплеменной толпы не могъ овладѣть сердцемъ хорошенькой русской, пока на горизонтѣ курортной жизни или, вѣрнѣе сказать, курортнаго прозябанія, не появился Карлъ Фридрихъ фонъ Шульцъ.

II.

Никогда въ жизни Нина Ремизова не забудетъ этого вечера.

Было восемь часовъ. Алое пламя заката уже начинало золотить іюльскую природу запада. Зло-

[1]) Танцовальные вечера.

вѣще кровавою стала листва на каштанахъ, и пламенный дискъ солнца, медленно умирая, погружался въ ихъ вершины.

На Изабелла - променадѣ гремѣла музыка. Нѣмки, австріячки, польки, американки, русскія, еврейки, японки и испанки, словомъ, женщины всѣхъ національностей, стараясь затмить другъ друга туалетами, или носились, быстрыя, какъ лани, или выступали, величаво медлительныя, по главной аллеѣ съ неизмѣнными кружками и трубочками для воды у рта. Офицеры, дэнди, спортсмэны, учащаяся молодежь, рантье, артисты—все это, забывъ свой возрастъ, немощи и болѣзни, устремлялось взорами навстрѣчу и вслѣдъ снующей взадъ и впередъ пестрой толпѣ женщинъ. Старыя дамы лорнировали молодежь со скамеекъ, разставленныхъ вдоль аллеи.

Нина Ремизова, какъ и всегда, эффектно одѣтая во все бѣлое, въ бѣлой же, съ дорогимъ эспри-султаномъ, шляпѣ, стоившей колоссальныхъ денегъ, кокетливо придерживая двумя пальчиками стеклянную трубку, цѣдила сквозь нее чуть подогрѣтую воду источника, слушая и не слушая въ одно и то же время щедро расточаемые ей двумя австрійскими офицерами комплименты. Маленькія ножки Нины, обутыя въ щегольскіе парижскіе ботинки, упруго ступали по крѣпкому гравію аллеи. Смуглое лицо дѣвушки съ горячимъ цыганскимъ румянцемъ и громадными черными, какъ крупные агаты, глазами улыбалось, сіяя всею прелестью своей двадцатилѣтней свѣжести и красоты. Ее забавляли и тѣшили почтительныя ухаживанія лей-

тенантовъ фонъ Штейна и фонъ Кноба, двухъ красивыхъ малыхъ, любимцевъ и баловней всѣхъ курортныхъ дамъ. Нина, избалованная постояннымъ успѣхомъ, прекрасно сознающая все свое обаяніе, отмѣчала, не безъ тайнаго удовольствія, косые, злобные и завистливые взгляды тѣхъ дамъ и барышенъ, отъ которыхъ фонъ Штейнъ и фонъ Кнобъ совершенно „отпали“ въ первый же день ея появленія въ курортѣ. А оба австрійскіе юноши, въ формѣ одного изъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ старой Австріи, еще не двинутыхъ къ границамъ Сербіи, наперерывъ изощрялись предъ нею въ комплиментахъ и восхваленіяхъ ея воистину рѣдкой красоты.

Внезапно Нина почувствовала неловкость отъ чьего-то пристальнаго взгляда, который сама она еще не успѣла перехватить.

Тамъ, гдѣ въ заревѣ кроваваго заката, купаясь въ лучахъ рубиноваго солнца, находилась будка продавщицы цвѣтовъ, тамъ спиною къ прилавку и лицомъ, обращеннымъ къ ней, Нинѣ, стоялъ молодой человѣкъ, безукоризненно одѣтый, съ изящной панамой на головѣ. Минуя лицо незнакомца, его свѣтлую, рыжевато-бѣлокурые усы, его правильный, нѣсколько хищный носъ и надменно сложенныя губы, Нина взглянула въ его глаза, притягивавшіе ее взглядомъ, и долго-долго не могла оторваться отъ нихъ.

Смѣло, почти дерзко, чуть насмѣшливо-вызывающе смотрѣли они въ самую глубину, казалось, широко раскрытыхъ зрачковъ дѣвушки и какъ будто что-то спрашивали, будто требовали, что-то

приказывали этимъ смущеннымъ дѣвичьимъ глазамъ. Тѣмъ же долгимъ взглядомъ они окинули высокую, величавую, нѣсколько крупную и полную для такой молодой дѣвушки фигуру Нины, скользнули по маленькой, изящной ножкѣ и снова остановились дерзко и хищно на пунцовыхъ чувственныхъ губкахъ, какъ бы цѣлуя ихъ однимъ этимъ взглядомъ, наглымъ и восхищеннымъ въ одно и то же время.

Нина, привыкшая къ проявленію самаго робкаго, самаго почтительнаго обожанія со стороны своихъ поклонниковъ, привыкшая царить надъ ними, даже нѣсколько третировать ихъ,—теперь, подъ этимъ дерзко направленнымъ на нее хищнымъ взглядомъ, вспыхнула и растерялась.

— Кто это?—оправившись черезъ минуту, обратилась она къ своимъ спутникамъ по-нѣмецки, когда ларекъ съ розами и дерзкимъ незнакомцемъ, фиксировавшимъ ее, остался позади.

Оба лейтенанта — и фонъ Штейнъ, и фонъ Кнобъ—вскинули на дѣвушку ревниво-испуганными взглядами и оба наперерывъ стали объяснять ей все, что знали про незнакомца.

— Этотъ рыжій? Ну, онъ во всякомъ случаѣ не представляетъ собою ничего особеннаго. Маленькій нѣмецкій офицерикъ, пограничной стражи, кажется, или желѣзнодорожнаго батальона... Да. Навѣрное не умѣемъ вамъ сказать. Эту физіономію встрѣчали, и не однажды, и въ прошлый лечебный сезонъ здѣсь, въ курортѣ. Ну, да, маленькій лейтенантъ, изъ Кенигсберга, кажется,

очевидно страдающій маніей величія, судя по его манерѣ держаться. Не правда ли, фрейлейнъ?

— Можетъ быть, Но этотъ вашъ маленькій лейтенантъ одѣвается и держится, какъ королевскій принцъ,—не безъ нѣкоторой ей самой непонятной досады бросила Нина и, чтобы не встрѣчать больше дерзко направленнаго на нее взгляда незнакомца къ великому смятенію своихъ огорченныхъ кавалеровъ, раньше положеннаго времени ушла къ себѣ въ гостиницу.

III.

Пестрая гирлянда разноцвѣтныхъ фонариковъ опоясывала курпаркъ. Призрачно волшебными казались пронизанные ихъ огнями старые каштаны. Каждый листикъ чудился призрачно-кружевымъ, весь пронизанный эффектнымъ свѣтомъ или алорозовымъ, какъ кровавый рубинъ или зеленымъ, похожимъ на лучезарный изумрудъ, и палевымъ, мертвенно-спокойнымъ, но едва ли не самымъ красивымъ.

Гремѣла музыка въ круглой ротондѣ. Млѣлъ и таялъ въ вечернемъ воздухѣ то нѣжно задумчивый, то страстно встревоженный вальсъ. Въ курзалѣ носились пары. Эффектные наряды курортныхъ гостій перемѣшивались съ блестящими цвѣтными мундирами гвардейскихъ офицеровъ и элегантными фраками штатскихъ танцоровъ.

Затмевая всѣхъ присутствующихъ въ залѣ женщинъ красотою и изяществомъ своего нарядного костюма, Нина Ремизова носилась въ танцѣ, мерцая черными цыганскими глазами, горя румянцемъ

смуглыхъ щекъ, улыбаясь влажными чувственными губами.

Фонъ Штейнъ и фонъ Кнобъ, потерявшіе отъ восторга головы, метались, какъ угорѣлые, по залу, не сводя взора съ красавицы Нины, вальсировавшей въ объятьяхъ то одного, то другого кавалера.

Въ послѣднихъ, конечно, у нея, не было недостатка. Очереди на каждый ея туръ вальса ожидали цѣлыя вереницы военной и штатской молодежи. Даже Маруся Ремизова—худенькая, анемичная, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица Маруся—не присаживалась на цѣлый вечеръ, благодаря бальной протекціи ея красавицы-сестры.

Павелъ Федоровичъ и Наталья Семеновна съ умиленіемъ поглядывая на обѣихъ дочерей, порхавшихъ, какъ бабочки, посреди зала. Ихъ родительскія сердца не дѣлали никакой разницы между богато одаренной природой красавицей Ниной и едва ли не дурнушкой Марусей. Обѣ дѣвушки были одинаково дороги имъ.

Пролетая мимо сидѣвшихъ въ уютномъ уголкѣ зала отца и матери, Нина посылала имъ всякій разъ ласковую, счастливую улыбку. Ахъ, ей такъ хорошо и пріятно было нынче! Пріятно было сознавать себя такой свѣжей, обаятельной и прекрасной, возбуждающей всеобщій восторгъ мужчинъ и зависть всего дамскаго элемента, присутствовавшаго на вечерѣ!

Вдругъ, вальсируя съ фонъ Кнобомъ, дѣвушка вспыхнула, измѣнилась въ лицѣ, потомъ поблѣднѣла сразу.

Два острые, пронизывающіе глаза слѣдили за нею, за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ поворотомъ головы.

— Фонъ Шульцъ!—помимо собственной воли прошептали пунцовыя губы Нины, и она какъ-то сразу отяжелѣла на рукахъ вальсировавшаго съ нею офицера.

Съ того вечера, когда впервые дерзкіе взоры незнакомца впились въ ея лицо на длинной аллеѣ Изабеллы, мысли Нины то и дѣло возвращались къ этому человѣку съ золотисто-рыжими волосами, съ горделивымъ, значительнымъ профилемъ, со всей его осанкой коронованной особы. По вечерамъ, укладываясь въ буржуазную, широкую, съ мягкой периной, служащей одѣяломъ, специфическую австрійскую постель, Нина, не переставая, думала о дерзкихъ глазахъ и величавомъ профилѣ фонъ Шульца. На утреннихъ и вечернихъ прогулкахъ во время питья водъ она, сама того не замѣчая, ждала встрѣчъ съ нимъ, съ его дерзко ищущимъ взглядомъ, и вся загоралась, чувствуя на своемъ лицѣ этотъ откровенно восхищенный и вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то власно домогающійся взглядъ.

Со дня первой ихъ встрѣчи у кіоска съ розами прошла уже недѣля. И, сама не постигая своего настроенія, волнуясь и сердясь на свой „капризъ“, какъ называла свое настроеніе дѣвушка, Нина ждала субботы съ ея танцовальнымъ вечеромъ, на которомъ она смутно надѣялась познакомиться съ фонъ Шульцемъ.

И все-таки появленіе его, такого элегантно-стройнаго и красиваго, въ идеально сшитомъ

фракѣ, заставило ее радостно смутиться и покраснѣть.

„Сейчасъ, сейчасъ, — тревожно выбивало ея сердце,—сейчасъ онъ подойдетъ, пригласитъ, заговоритъ со мною, сейчасъ я услышу его голосъ, увижу близко-близко это красивое лицо, эти глаза этотъ гордый профиль".

И, опустившись на стулъ послѣ танца, Нина замерла въ ожиданіи.

Какъ-то быстро и стремительно совершилось все послѣдующее.

Получасомъ позднѣе фонъ Шульцъ и Нина Ремизова очутились въ феерическомъ кругу лампіоновъ, въ центрѣ замкнутой цѣпи электрическихъ фонарей. Кроваво-алые, изумрудно-зеленые и мертвенно-желтые огни иллюминаціи ласкали ихъ взоры. Догорала въ вечернемъ воздухѣ изнѣженно капризная медодія вальса, и, пронизанные свѣтомъ, стройные, ажурные, молчали каштаны.

Фонъ Шульцъ и Нина опустились на скамью подъ вѣтви огромнаго дерева. Говорилъ фонъ Шульцъ; Нина слушала... слушала съ упоеніемъ эти бархатные звуки въ самыя нѣдра души казалось, вливающагося голоса.

— Милая дѣвушка,—говорилъ фонъ Шульцъ, и его глаза обдавали Нину страстнымъ, нѣжущимъ взоромъ.—Милая дѣвушка, вы вѣрите въ предопредѣленіе? Я безспорно вѣрилъ и зналъ всю свою жизнь, зналъ, что встрѣчу когда нибудь васъ... Да, именно васъ, такую, какъ вы, съ лицомъ и тѣломъ гуріи, которая не снилась самому Магомету, съ величавостью королевы. Я зналъ, что

вы, именно вы, прекрасная, гордая русская, возьмете мое сердце и увезете его въ свою холодную страну. Какъ видите, я не боюсь показаться ни смѣшнымъ, ни сантиментальнымъ и говорю вамъ о своей любви въ первый же вечеръ нашего знакомства. Но развѣ и безъ этихъ словъ вы не поняли ея? не поняли, что я уже принадлежалъ вамъ весь безраздѣльно съ того момента, когда впервые увидѣлъ васъ у кіоска съ розами тамъ, въ аллеѣ Изабеллы, такую гордую, прекрасную, торжествующую въ ореолѣ всеобщаго поклоненія и восторга? Тогда же я сказалъ себѣ: „Карлъ, берегись! Эта дѣвушка будетъ трагедіей твоей жизни. Она погубитъ тебя". Нѣтъ, нѣтъ, не возражайте, это такъ, эта любовь убьетъ меня. Что такое я въ сравненіи съ вами, съ вашей божественной красотой? Маленькій, бѣдный офицеръ. Все мое богатство — въ моемъ чувствѣ, и, если оно хоть немного радуетъ васъ, я сочту себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Лампіоны отливали рубиномъ, изумрудомъ и золотомъ. Скромно уступая имъ въ блескѣ, таинственно мерцалъ въ облакахъ молодой мѣсяцъ. Все раздражительнѣе, все страстнѣе звучала мелодія вальса, отдаваясь въ трепещущемъ сердцѣ Нины. Ей хотѣлось безконечно вѣрить въ страстную искренность фонъ Шульца, забыть весь міръ и унестись въ царство причудливыхъ грезъ.

Нина не узнавала себя. Куда дѣвались ея обычная находчивость, остроуміе, смѣлость и даже нѣкоторая насмѣшливая снисходительность въ отношеніи всѣхъ ея поклонниковъ-искателей. Здѣсь,

съ фонъ Шульцемъ, о нихъ не было и помина. Робкой дѣвочкой, влюбленной и застѣнчивой, чувствовала она себя около этого человѣка, такъ неожиданно и властно захватившаго все ея существо.

И нимало не удивилась Нина, когда твердыя и горячія губы фонъ Шульца коснулись ея губъ. Ея дрогнувшій ротикъ безпомощно уступилъ имъ и, вся сгорая отъ стыда и страсти, она поцѣловала этого назнакомаго ей, но странно дорогого человѣка.

IV.

Все послѣдующее было до ужаса шаблонно и трафаретно. Фонъ Шульца представили Ремизовымъ, и онъ сталъ бывать у нихъ почти ежедневно. И полковникъ, и особенно Наталья Семеновна почувствовали самую теплую симпатію къ молодому офицеру. Анемичная Маруся тотчасъ же влюбилась въ него со всѣмъ пыломъ своего пятнадцатилѣтняго сердца, какъ годъ тому назадъ влюбилась въ дьякона гимназической церкви, а еще два года предъ этимъ — въ учителя русской словесности. Фонъ Шульцъ завербовалъ себѣ право быть постояннымъ спутникомъ Нины Ремизовой.

Нечего и говорить, что фонъ Кнобъ, фонъ Штейнъ, а также и всѣ другіе „фоны“ испарились, какъ облако, едва лишь дѣвушка стала появляться въ обществѣ молодого нѣмецкаго офицера, умѣвшаго, кстати сказать, съ неподражаемымъ кашэ носить штатское платье.

Но сама Нина даже и не замѣтила исчезновенія своихъ пылкихъ поклонниковъ. Всѣхъ вмѣстѣ

и каждаго въ отдѣльности замѣнилъ ей этотъ человѣкъ съ дерзкими голубыми глазами и горделивымъ профилемъ. Весь міръ сосредоточился теперь для Нины въ немъ одномъ. Длинныя, безконечно длинныя прогулки рука-объ-руку съ нимъ; дальніе, укромные уголки парка и эти его поцѣлуи, зажигавшіе всю ея кровь.

Одно только смущало Нину: при всей своей страстной любви къ ней фонъ Шульцъ и не думалъ заикаться о бракѣ. Правда, они были люди различныхъ націй и расъ, подданные двухъ различныхъ государствъ, но это не могло, казалось, имѣть какое бы то ни было значеніе предъ стихійной силой любви молодыхъ людей.

Такъ думала Нина, такъ думали и ея родители, гостепріимно принимавшіе у себя фонъ Шульца и со стѣсненнымъ сердцемъ готовые уже дать согласіе на бракъ Нины съ иностранцемъ, имѣя прежде всего въ виду счастье обожаемой дочери.

Но фонъ Шульцъ все еще медлилъ съ оффиціальнымъ предложеніемъ. Онъ, казалось, забылъ все у маленькихъ ногъ Нины, не видя и не замѣчая того, чѣмъ шумѣла теперь и волновалась наравнѣ со всѣмъ прочимъ міромъ жизнь курортнаго городка.

А волноваться и кипѣть было чѣмъ безспорно. Прошла цѣлая вереница потрясающихъ событій въ послѣдніе дни: сараевское убійство, ультиматумъ и объявленіе войны Сербіи Австріей, вмѣшательство Россіи, бомбардировка Бѣлграда, напряженное состояніе двухъ ближайшихъ европейскихъ сосѣдокъ и слухи о новой войнѣ.

И вотъ грянуло небеснымъ громомъ послѣднее извѣстіе. Менѣе всего Нина ожидала этого, менѣе всѣхъ, можетъ быть, была приготовлена къ нему. Была наконецъ объявлена Германіей, изо всѣхъ силъ поддерживающей Австрію, война Россіи, и курортная публика, охваченная паникой, стала спѣшно покидать австрійскій курортъ.

V.

— О, какой ужасъ!

Наталья Семеновна, красная, потная, со сбившимся на бокъ тюрбаномъ прически, охала и ахала въ уголку только что занятаго купе. Въ это купе, помимо нихъ, набилось еще съ полдесятка другихъ русскихъ, бѣжавшихъ изъ курорта. Полковникъ и обѣ дочери Ремизовыхъ были тутъ же.

Изъ курорта они выбрались кое какъ, несмотря на сумятицу и волненіе, оставивъ въ Австріи половину багажа и съ трудомъ добравшись до Ангальтскаго вокзала въ Берлинѣ. Здѣсь, при проѣздѣ къ другому вокзалу, имъ пришлось быть свидѣтелями антирусскихъ демонстрацій. Обычно тихіе и спокойные берлинцы, теперь словно преобразились; то и дѣло дефилировали съ національными германскими флагами и портретами Вильгельма воинственно настроенные манифестанты. Крики „Хохъ, хохъ“ кайзеру Вильгельму, „хохъ“ славной германской арміи и народу не прерывались. Очень скоро они смѣшались съ другими: „Долой Россію! Долой русскихъ! Да здравствуетъ Германія! Да здравствуетъ непобѣдимый кайзеръ Вильгельмъ!“

Ремизовы въ закрытомъ автомобилѣ пробрались на вокзалъ. Но и тамъ они не могли чувствовать себя въ безопасности, потому что толпа манифестантовъ провожала запасныхъ и неистовствовала и здѣсь не менѣе, нежели на улицахъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ пререканій, умаливаній станціоннаго начальства, Ремизовыхъ впустили, вмѣстѣ съ полудесяткомъ другихъ счастливцевъ и счастливицъ, въ душный вагонъ.

— Вы — русскіе? — заглянувъ сюда, спросилъ безъ тѣни враждебности какой-то типъ изъ станціоннаго начальства и, не дожидаясь отвѣта, быстро-быстро сталъ забрасывать ихъ словами:—куда вы ѣдете? Ваша граница уже занята нашими доблестными войсками. Вержболово взято... Ковно взято... Варшава взята... Наша армія подвигается къ Москвѣ, къ сердцу Россіи... Вамъ не для чего ѣхать теперь.

Наталья Семеновна помертвѣла при этихъ словахъ. Не могъ не смутиться и полковникъ. Маруся застыла съ растерянными глазами и испуганнымъ лицомъ, готовая разрыдаться.

— Мамочка... Папа... Да что же это?

И вдругъ Павелъ Федоровичъ побагровѣлъ и затопалъ ногами, наступая на чрезмѣрно фантазировавшаго нѣмца.

— Что? Какъ вы смѣли сказать, что Варшава взята, что ваши уже подъ Москвой? Да знаете ли вы, что за это, за это...

— Потише, потише!—въ свою очередь загорячился нѣмецъ.—Да знаете ли вы, что я самъ могу васъ...

Но нѣмцу не пришлось докончить. Ремизовы бросились занимать мѣста вмѣстѣ съ хлынувшею въ купе остальною публикой. Всегда пунктуальное нѣмецкое желѣзнодорожное сообщеніе нельзя было узнать. Охваченная страхомъ за свою свободу, боясь остаться въ плѣну у нѣмцевъ, публика чуть ли не съ боя брала мѣста. Вагонная прислуга растерялась. Пассажирскіе поѣзда опаздывали, а многіе вовсе не шли, отданные въ распоряженіе войска. И, только по выѣздѣ изъ Берлина и его безконечныхъ предмѣстій, измученнымъ путешественникамъ показалось, что ихъ дѣло отъѣзда съ вражеской территоріи налажено въ концѣ концовъ.

Монотонно-мѣрно выстукивали свою однообразную мелодію колеса поѣзда. Послѣдній подвигался нынче впередъ съ далеко не свойственной нѣмецкимъ поѣздамъ медленностью.

Подъ мѣрное постукиваніе колесъ Нина совершенно потеряла представленіе о дѣйствительности и погрузилась вся съ головой въ свои мысли.

Только два дня тому назадъ она узнала объ объявленіи германцами войны, а сколько уже произошло перемѣнъ, ужасныхъ перемѣнъ съ тѣхъ поръ въ ея личной жизни! Ея красивый, тонкій, какъ ароматъ невѣдомаго цвѣтка, романъ кончился, грубо оборванный на полуфразѣ. Въ день объявленія войны фонъ Шульцъ исчезъ, не сказавъ ни слова ей, Нинѣ. Ея сердце, сочившееся кровью, посылало ему вдогонку тысячу упрековъ, обвиненій, угрозъ. Но что значили ея упреки, обвиненія, угрозы и обида теперь, когда его не было

съ нею? Его не было, онъ ушелъ, но чувство къ нему осталось, злое и страстное, гнѣвное и нѣжное въ одно и то же время, но безусловно большое, громадное. Если бы фонъ Шульцъ снова очутился подлѣ нея, Нина простила бы ему, кажется, и этотъ вѣроломный отъѣздъ, и всю его жестокость по отношенію къ ней, полюбившей его этой громадной любовью.

Но сердце, маленькое кровавое, израненное сердечко дѣвушки говорило за то, что Карлъ фонъ Шульцъ исчезъ навсегда изъ ея жизни.

VI.

Съ трудомъ, уже за часъ до большой остановки у крупнаго нѣмецкаго центра, удалось задремать, но сквозь сонъ, чуткій и мятежный, Нина слышала, какъ двѣ еврейки изъ Вильны вполголоса разговаривали съ ея родителями.

— Мы еще счастливы,—говорила одна изъ нихъ, постарше—намъ все же удалось вырваться во-время и найти мѣсто въ поѣздѣ. Но что будетъ потомъ—одному Богу извѣстно.

— Что будетъ? Да весьма понятно: всѣхъ запоздавшихъ выбраться объявятъ военно-плѣнными и отправляетъ въ глубь Германіи,—подхватила другая, помоложе.

— Ну, этого быть не можетъ! Во-первыхъ, между путешественниками преобладаютъ женщины и дѣти. Какіе же они военноплѣнные, скажите на милость!—разсердился полковникъ Ремизовъ.

— Ахъ, развѣ для „этихъ“ существуютъ какіе

нибудь законы!—вмѣшалась въ разговоръ пожилая дама изъ Петербурга.

— Папочка, а если насъ дѣйствительно не пропустятъ черезъ границу?—теребя отца за руку, съ испуганными глазами шепнула Маруся.

— Вздоръ! Пустое! Ерунда! Какъ сюда ѣхали, такъ и домой вернемся!—горячился Павелъ Федоровичъ.

— Н-да! удружили колбасники, не чего сказать!—произнесъ чей-то насмѣшливо звучащій голосъ.

Нина слушала все это въ полуснѣ, полусознаніи дѣйствительности. Дремотное состояніе сковывало тѣло, обволакивало мозгъ, наливало свинцомъ отяжелѣвшія вѣки, три послѣднія ночи совершенно не видѣвшія сна. Но сейчасъ онъ подкрался незримыми шагами, обвилъ усталую голову дѣвушки и предсталъ предъ нею въ образѣ Карла фонъ Шульца. Нина снова увидѣла дерзкіе голубые глаза, горделивый профиль, величественную фигуру. Блаженной радостью загорѣлось сердце. Остро и пламенно ощущался приливъ счастья всѣмъ существомъ, всѣми нервами дѣвушки.

„Карлъ! Ты здѣсь? Ты вернулся? О, я знала, что ты вернешься, что ты снова придешь!—стучало во снѣ маленькое сердце, готовое все простить, забыть и раскрытое для новыхъ радостей любви.

А колеса поѣзда все шумѣли однообразно и настойчиво-упорно, точно выполняя какую-то тяжелую и много-трудную работу. И красивое смуглое лицо Нины, озаренное счастьемъ, блаженно улыбалось во снѣ.

VII.

— Ни съ мѣста!

Нина открыла глаза и оглянулась вокругъ себя тѣмъ дѣтски-испуганнымъ взглядомъ, который бываетъ у человѣка послѣ сладкаго и неожиданно грубо прерваннаго сна.

Колеса не выстукивали больше своей однообразной мелодіи; поѣздъ не двигался. На порогѣ купе стоялъ солдатъ съ ружьемъ. За нимъ виднѣлись другой, третій. Въ корридорѣ, за дверью, словно прикованныя къ мѣсту, толпились такія же вооруженныя фигуры.

И вотъ брякнули шпоры, и въ купе вошли два офицера.

Ваши паспорта, господа! Вы—русскіе? Да? Ѣдете къ себѣ на границу? Невозможно! Вы останетесь здѣсь!—бросая вѣско и отрывисто каждое слово, сказалъ офицеръ постарше, съ безстрастно-каменнымъ лицомъ.

— То есть какъ это? Невозможно!—послышались отовсюду взволнованные голоса.

— Очень просто,—продолжалъ офицеръ по-нѣмецки:—на границѣ не сегодня-завтра произойдетъ большой бой и... Ваши паспорта!—неожиданно обрывая самого себя на полуфразѣ и сдвигая брови, произнесъ онъ еще болѣе сурово, какъ будто уже раскаиваясь въ своемъ многословіи предъ этимъ русскимъ „стадомъ, свиней", какъ мысленно окрестилъ пруссакъ путешественниковъ. Затѣмъ рука въ бѣлой перчаткѣ протянулась къ окну и рѣзкій голосъ прогудѣлъ на весь вагонъ:—Въ окна

не смотрѣть! Спустить занавѣски! За всякую попытку выглядывать изъ окна я прикажу разстрѣливать...

Едва только успѣли отзвучать эти слова, какъ въ вагонѣ поднялось неописуемое волненіе. Послышались негодующіе возгласы мужчинъ, истерическіе вопли женщинъ, плачъ дѣтей и подростковъ.

Въ купе, гдѣ сидѣли Ремизовы, двѣ еврейки, старая дама и молоденькая дѣвушка со своимъ старикомъ-отцомъ, всѣ заговорили сразу, возмущенные, протестующіе. Даже Нина вышла изъ той апатіи, и смотрѣла теперь то на мать, то на отца вопрошающими, измученными глазами. Маруся горько плакала, уткнувшись лицомъ въ плечо полковника.

И вдругъ, покрывая на секунду плачъ и вопли, гдѣ-то близко, совсѣмъ близко въ корридорѣ вагона прогремѣлъ револьверный выстрѣлъ.

Офицеръ, стоявшій въ дверяхъ, отпрянулъ за порогъ купе, пошептался съ кѣмъ-то и, снова повернувъ равнодушное лицо въ сторону обезумѣвшихъ отъ страха пассажировъ, грубо произнесъ:

— „Выходите! Васъ будутъ осматривать. Получено извѣстіе, что въ числѣ русскихъ находятся шпіоны“,—и, не слушая протестовъ полковника Ремизова и другого пассажира, старика, ѣхавшаго съ дочерью, онъ продолжалъ тѣмъ же повелительнымъ тономъ:

— Выходите! Выходите! И всѣ маршъ на станцію! Тамъ будетъ происходить осмотръ.

VIII.

Въ большой угрюмой комнатѣ, гдѣ пахло дурными, дешевыми сигарами, путешественниковъ ждали солдаты съ заряженными ружьями наготовѣ.

— Раздѣвайтесь,—скомандовалъ приведшій путешественниковъ офицеръ, предварительно отобравъ паспорта у каждаго.

Публики въ ревизіонную набралось со всего поѣзда огромное количество. Она заполнила всѣ корридоры и проходы зданія, оцѣпленнаго солдатами.

— Въ ревизіонную входить по десяти, не больше!—снова скомандовалъ офицеръ.

— Насъ будутъ разстрѣливать! — выкрикнулъ истерическій женскій голосъ, и кто-то изступленно зарыдалъ.

Но то, что произошло вслѣдъ за этимъ, едва ли показалось для многихъ лучше и отраднѣе всякаго разстрѣла. Грубыя солдатскія руки безцеремонно обшаривали мужчинъ и женщинъ, срывая платья, не слушая протестовъ, рыданій, мольбы, не считаясь со стыдливостью и смущеніемъ молодыхъ и старыхъ. Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ обыскивали съ особеннымъ усердіемъ; когда же путешественники-мужчины вступились за своихъ дамъ, на нихъ молча, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво направили дула ружей.

Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія и негодованія, Нина ждала своей очереди, стоя между матерью и отцомъ. На второмъ лица не было въ эти минуты. Мертвенная, синеватая блѣдность покры-

вала щеки полковника. Павелъ Федоровичъ конвульсивно сжималъ кулаки въ припадкѣ безсильнаго бѣшенства. Предъ ними прошло уже нѣсколько десятковъ мужчинъ и женщинъ съ пылающими лицами, въ безпорядочно, наскоро набросанныхъ одеждахъ. Ремизовъ видѣлъ то, что видѣли и другіе: возмущенныя, негодующія лица мужчинъ, убитыя стыдомъ и ужасомъ лица женщинъ и дѣвушекъ. Тамъ, за глухой стѣной солдатскихъ спинъ, происходила возмутительная оргія варварскаго самоуправства, подлой расправы, издѣвательства сильнаго надъ слабымъ. Полковникъ слышалъ крики, вопли, рыданія и мольбы женщинъ и дѣвушекъ, оскорбленныхъ въ своей стыдливости, и кровь закипѣла у него въ жилахъ. Сильнѣе сжимались кулаки и губы прыгали отъ волненія, произнося угрозы.

— Полковникъ Ремизовъ съ семьею, жена и двѣ дочери!—держа высоко надъ головою заграничный паспортъ Павла Федоровича и перевирая нѣмецкимъ произношеніемъ русскую фамилію, крикнулъ, появляясь изъ „ревизіонной“, прусскій офицеръ.

Въ тотъ же мигъ радостный крикъ, вырвавшійся изъ самыхъ глубинъ дѣвичьей души, прозвучалъ подъ сводами нѣмецкаго зданія.

– Карлъ! Наконецъ-то! Спасите насъ!—кричала, Нина, пробираясь въ толпѣ къ стоявшему на порогѣ ревизіонной пруссаку.

Она не ошиблась, зрѣніе не обмануло ее: офицеръ, стоявшій на порогѣ, былъ дѣйствительно Карлъ Фридрихъ фонъ Шульцъ.

Ремизовы бросились къ нему.

— Господинъ Шульцъ! Господинъ Шульцъ!..— въ какомъ-то радостномъ самозабвеніи повторяла Наталья Семеновна, и ужасъ, горѣвшій до этой минуты въ ея глазахъ, смѣнился выраженіемъ надежды.—Мсье Шульцъ, вы пришли во-время. И какое счастье, что именно вы, а не чужіе, незнакомые, будете осматривать насъ! Да и надо ли осматривать? У насъ ничего нѣтъ предосудительнаго... деньги, золотыя вещи—и только.

Старая женщина пролепетала все это по-нѣмецки, съ безпомощной радостью и надеждой малаго дитяти, отразившейся на ея лицѣ. Она была счастлива тѣмъ, что нашла наконецъ знакомаго среди этой банды, который не позволитъ конечно подвергнуть ихъ грубому осмотру—ее, старуху, и, главное, ея юныхъ дочерей, и заступится за нихъ.

Полковникъ тоже подошелъ къ Шульцу и произнесъ вѣско, значительно:

— Надѣюсь, что вы, лейтенантъ, поступите, какъ джентльмэнъ, и не допустите осмотра моихъ дамъ, не правда ли?

— Да, да, мсье Карлъ, отпустите насъ!—прошептала и Нина, и два черные, дѣвичьи глаза теперь впились въ лицо офицера съ застѣнчивой, робкой мольбой.—Вы это сдѣлаете для меня? Вы должны сдѣлать!

Съ секунду длилась пауза.

— Здѣсь всякіе счеты и поблажки личнымъ знакомымъ должны кончиться,—прозвучалъ наконецъ холодный, безстрастный голосъ, и голубые глаза нѣмца впились хищнымъ взглядомъ въ пре-

лестное смуглое личико.—Вы видите сейчасъ во мнѣ только слугу моего императора, обязаннаго свято выполнить долгъ. Единственно, что я могу для васъ сдѣлать,—это то, что произведу осмотръ самолично,—и онъ указалъ дѣвушкѣ на порогъ ревизіонной комнаты.

Когда Нина съ пылающимъ лицомъ, но съ гордо поднятыми глазами стояла полураздѣтою предъ кучкою нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, а за нею отчаянно рыдала Маруся, обхвативъ шею матери, едва державшейся отъ волненія на ногахъ, полковникъ Павелъ Федоровичъ выдвинулся впередъ. Онъ вытребовалъ себѣ право находится подлѣ жены и дочерей во все время производимаго осмотра и сейчасъ горящими глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ фонъ Шульца, который, при помощи солдата, обыскивалъ Нину.

Верхній жакетъ и блузка были сняты со старшей дочери Ремизова и отложены въ сторону. Нина оставалась теперь въ одномъ только бѣлоснѣжномъ дѣвичьемъ лифчикѣ съ широкой лентой и кружевами. Ея обнаженныя смуглыя плечи и точеная шея вполнѣ созрѣвшей молодой красавицы пылали не меньшимъ румянцемъ, нежели лицо.

И вотъ полковникъ Ремизовъ замѣтилъ, какъ рука фонъ Шульца, обыскивавшая до этой минуты карманы дѣвушки, неожиданно протянулась къ Нинѣ, къ ея смуглымъ точенымъ плечамъ и скользнула быстрымъ, неуловимымъ движеніемъ отъ одного къ другому. Ноздри пруссака раздувались, а хищные, дерзкіе глала съ грязнымъ, похотливымъ выраженіемъ впились въ лицо дѣвушки. Полков-

никъ увидѣлъ безпомощно растерянный взглядъ дочери, полный невыразимаго стыда, ужаса и отвращенія, увидѣлъ побѣлѣвшія, дрогнувшія губы Нины, услышалъ ея тихое отчаянное „а...“—и, рванувшись впередъ, въ одну секунду очутился предъ Шульцемъ.

— Подлецъ! Такъ-то ты исполняешь волю твоего императора!—дикимъ голосомъ прогремѣлъ Ремизовъ, и въ тотъ же мигъ звонкая пощечина огласила своды ревизіонной.

Фонъ Шульцъ поблѣднѣлъ, потомъ сразу же побагровѣлъ всѣмъ лицомъ, перекосившимся судорогой бѣшенства. Секунду длилось замѣшательство, одну только секунду, а затѣмъ со сверкающими бѣшенымъ огнемъ глазами пруссакъ поднялъ револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ полковника.

Ремизовъ упалъ, обливаясь кровью.

Платформа № 10.

I.

...Вокругъ краснаго зданія росли одуванчики, много одуванчиковъ въ лѣтнее время. И клеверъ. Зеленое поле сбѣгалось у неглубокаго, задернутаго тиной пруда. Весною здѣсь меланхолически-страстно выкрикивалъ хоръ лягушекъ. А зимою все покрывалось изысканно-чистою пеленой снѣга. И огромная сахарно-бѣлая равнина пріятно ласкала глазъ.

А тамъ, повыше, на желѣзнодорожной насыпи бѣжали рельсы. Длинный, безконечно длинный путь отъ сѣверной столицы туда, въ глубину обширной родины, къ ея дальнимъ окраинамъ. Развѣтвлялась на много вѣтвей; гигантски длинными полосами, устремлялись въ даль. Подъ скатомъ, внизу, въ выбоинѣ, стояло маленькое красное зданіе-будка, караулившее полустанокъ. А на другомъ такомъ же зданіи, у самой платформы, красовалось чернымъ по кирпичному фону четко выведенная цифра названія полустанка „№ 10“.

Когда здѣсь останавливались поѣзда, товарные

и пассажирскіе (курьерскіе молніей пролетали мимо), на полустанкѣ показывалась небольшая сутуловая фигура съ традиціонной красной фуражкой на всегда чуть взлохмаченной головѣ. Водянисто-голубые мутные глаза алкоголика прежде всего пристально вглядывались въ пыхтящую, крикливую и наиболѣе шумную часть поѣзда, а руки, вооруженныя флажкомъ, руки пьяницы, неизбѣжно дрожали. Пока поѣздъ стоялъ, и машинисты запасались всѣмъ необходимымъ, красная фуражка маячила по платформѣ, равнодушно оглядывая тѣми же мутными глазами алкоголика высыпавшихъ промяться изъ вагоновъ пассажировъ.

Начальника полустанка подъ № 10 Кирилла Федоровича Груздева перевели сюда лѣтъ пятнадцать тому назадъ съ большой узловой станціи за пьянство. И вотъ уже пятнадцать лѣтъ жилъ онъ здѣсь, вдовецъ, съ дочерью и рябой прислугой Агафьей, продолжая келейно напиваться по ночамъ отъ поѣзда до поѣзда, въ длиннѣйшій промежутокъ желѣзнодорожнаго затишья, и съ чисто машинною пунктуальностью выходя вмѣстѣ со сторожемъ Авиловымъ встрѣчать каждый поѣздъ между двумя стаканами водки.

Ближайшій поселокъ, гдѣ можно было покупать вино и простые крестьянскіе подукты, находится отъ полустанка № 10 въ 3-хъ верстахъ разстоянія. Кириллъ Федоровичъ два раза въ недѣлю аккуратно отправлялъ туда затѣмъ и другимъ рябую Агафью. Въ лѣтнее время ее частенько сопровождала туда маленькая Нина Груздева.

II.

Первымъ сознательнымъ впечатлѣніемъ, прочно улегшимся въ памяти Нины, были пушистые, нѣжные одуванчики, росшіе въ такомъ изобиліи вокругъ ихъ краснаго дома-будки. И еще милое блѣдное лицо молодой женщины, ея матери, угасшей очень рано отъ чахотки.

Мать исчезла. Одуванчики остались. И алые и бѣлые цвѣты кашки тоже.

Рябая Агафья, мутные глаза папочки и поѣзда, поѣзда, поѣзда безъ конца и счета, — все это скользило мимо. А одуванчики и кашка водворились прочно и навсегда, какъ скрытыя сокровища въ нѣдрахъ души Нины. Папочку было жалко. Жалко до слезъ въ часы его запоя, въ часы его тоскливаго оцѣпенѣнія. Къ Агафьѣ не было никакихъ чувствъ, ужъ слишкомъ примитивно глупа и груба была Агафья. Но одуванчики, кашка, широкая равнина, зеленой, мутной, задернутый тиной прудъ съ его весенними лягушечьими концертами,—все это было дорого до боли, все жило въ маленькой душѣ, истомленной одиночествомъ. Было еще, правда, въ далекомъ, розовое пятно, лучъ недолгаго солнца, бликъ яркой краски на сѣромъ фонѣ, туманное воспоминаніе о матери, о чьихъ то нѣжныхъ рукахъ, о чьихъ то задумчиво голубовато-сѣрыхъ глазахъ, но были ли то въ дѣйствительности тѣ глаза, и руки, и ласки, — Нина путалась, не могла дать себѣ отчета, не знала. Росла сама какъ цвѣтокъ среди одуванчиковъ и

кашки, маленькая, невзрачная, съ большими угрюмыми не-дѣтскими глазами, съ упорнымъ ртомъ, не знающемъ ребяческаго смѣха, росла среди одуванчиковъ, кашки, снѣга и поѣздовъ, между алкоголикомъ отцомъ и тупою прислугою. Потомъ, когда подросла, стала посѣщать за три версты церковно-приходскую школу. Каждый день пріѣзжалъ изъ села Клушина подговоренный крестьянинъ за Ниной и увозилъ ея на уроки, гдѣ у сельской учительши она проходила школьную премудрость вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми. А послѣ уроковъ доставлялъ обратно. Зато получалъ едва ли не половину изъ скуднаго Груздевскаго жалованья.

— Учись, Ниночка, учись, дѣвочка, умницей выростешь, папкѣ облегчишь его горькую долю. Разнесчастный вѣдь онъ, твой папка, разгорькій онъ прегорькій, твой папка, пьяница, — съ отуманенной винными парами головою говорилъ частенько дочери Груздевъ, дыша ей въ лицо водочнымъ перегаромъ и запахомъ дешевыхъ папиросъ. И дѣвочка училась, какъ могла, какъ умѣла. А потомъ накинулась на книги. Читала жадно. Читала все, что было въ скудной сельской библіотекѣ и у учительницы Анны Семеновны. И Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова въ разрозненныхъ томахъ, скупленныхъ на дешевкѣ у букиниста. Читала съ восторгомъ, захлебываясь. Любила Владиміра Ленскаго, юнаго поэта, погибшаго отъ руки Онѣгина... Любила коварнаго Демона и Печорина, непонятнаго, насмѣшливаго... Но больше всѣхъ Ленскаго, больше мертваго чѣмъ живого,

потому что напоминалъ бѣлый одуванчикъ и чистоту зимнихъ снѣговъ равнины, ея первыя и лучшія впечатлѣнія.

III.

— Пожалуйте, былъ сигналъ, ваше высокородіе, № 17 встрѣчать, — разслышалъ какъ сквозь сонъ Кириллъ Федоровичъ Груздевъ, полулежавшій у стола въ старомъ съ прорванною во многихъ мѣстахъ клеенкою креслѣ. На столѣ стояла бутылка съ отбитымъ горлышкомъ, распространяющая вокругъ ѣдкій запахъ спирта. Лежалъ обглодокъ соленаго огурца и недоѣденная корка хлѣба.

— Мм... 17, говоришь? Это хорошо, что семнадцатый, Авиловъ, — промычалъ себѣ подъ носъ начальникъ,—это очень хорошо, что семнадцатый.

— Да хорошо, либо нѣтъ тамъ, а пожалуйте. Потому какъ пути болѣе нѣтъ. Не приведи Господь заносы какіе. И и... Боже ты мой, какая мятель!

— Мятель, говоришь?

— Неушто не видали и не слыхали?

О нѣтъ, онъ слышалъ ихъ, эти голоса демоновъ за обледянѣвшимъ оконцемъ. Но развѣ же это была мятель? Въ его помраченномъ отъ обильнаго возліянія мозгу фантастическія представленія вытѣснили реальныя. Казалось, что не мятель, не бушующая стихія, а полчища злой силы стучались къ нему въ окно и смущали его покой, убѣждая его въ чемъ то, и предостерегая, и угрожая въ одно и то же время.

— Такъ вотъ оно что, мятель... Мятель и заносы... Поѣздъ не пойдетъ дальше, стало быть?

Вдругъ рѣзкимъ неожиданнымъ среди тишины звукомъ протрещалъ звонокъ телефона. Съ испугомъ, касясь на неплотно прикрытую дверь смежной съ его комнатой горенки Нины, спавшей сномъ праведницы сейчасъ подъ утро, Груздевъ, чуть пошатываясь, подошелъ къ аппарату.

— Алло. Я слушаю. Съ полустанка № 10, — прикрывая ротъ рукою, опять таки чтобы не разбудить дочери, откликнулся онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Что? Заносы? Да... Стоитъ въ полѣ... Слышу. И 17-ый застрянетъ по всей вѣроятности... Черезъ десять минутъ дамъ знать...

Прозвенѣлъ отбой, и Груздевъ, наскоро накинувъ ветхое пальтишко, поспѣшилъ на платформу.

Зимняя морозная ночь дохнула ему въ лицо вѣтромъ и мятелью. Хлопья снѣга залѣпили глаза. На фонѣ стихійной пляски вьюги мутно блестѣли желѣзнодорожные огни. И кровавыми точками сверкали среди нихъ красные фонари пути.

Пыхтя, шипя, словно черезъ силу подползалъ тяжелый локомотивъ къ полустанку.

— Господа!—зловѣще прозвучало среди свиста, гиканья и пѣнія непогоды съ платформы полустанка № 10,—предупреждаю, что пока не расчистятъ пути, поѣздъ дальше не пойдетъ.—

И нѣсколько минутъ спустя изъ отдѣленій купэ, изъ всѣхъ угловъ длиннаго пассажирскаго поѣзда стали высыпать на платформу укутанные

въ теплое платье фигуры мужчинъ, женщинъ, ребятишекъ.

— Какъ! Не пойдетъ дальше? Почему не пойдетъ? Заносы? Но почему объ этомъ не дали знать раньше? Гдѣ начальникъ полустанка? Подать сюда начальника! Развѣ можно ночевать среди поля!— слышались тутъ и тамъ рѣзкіе, негодующіе взволнованные голоса.

Люди были какъ безумные. Люди словно потеряли человѣческій обликъ: они волновались, кричали, бранились, топали ногами.

Изъ отдѣленія второго класса выскочилъ высокій человѣкъ въ шинели и студенческой фуражкѣ.

— Гдѣ начальникъ? Это чертъ знаетъ что! Стоять всю ночь среди поля! По всей вѣроятности и весь завтрашній день. А меня ждутъ. Ждетъ больная мать, можетъ быть умирающая! Какіе безпорядки, какіе дьявольскіе безпорядки!— кричалъ онъ молодымъ звонкимъ, самого себя поджигающимъ голосомъ.

А съ неба, изъ за-тучи мятели кротко сіяла и улыбалась подернутая дымкой луна. И снѣжные хлопья какъ птицы носились въ воздухѣ. Отъ полустанка уже скакалъ во весь опоръ верхомъ въ поселокъ сынишка сторожа Авилова — сзывать крестьянъ на расчистку пути отъ заноса. На платформѣ топтались пассажиры. То и дѣло подавались робкіе тревожные свистки, нервируя еще больше и безъ того нервныхъ. Наконецъ удалось уговорить публику занять мѣста въ отдѣленіяхъ и терпѣливо дожидаться конца результатовъ рас-

чистки. Высокаго студента въ шинели Груздевъ успокоилъ какъ могъ и повелъ ночевать къ себѣ.

IV.

Когда на слѣдующее утро Нина Груздева, маленькая, худенькая дѣвушка, съ вешнусчатымъ некрасивымъ лицомъ и чудесными голубовато-сѣрыми глазами, являвшимися большой и прекрасной неожиданностью на этомъ лицѣ, вошла чтобы заварить чай въ столовую, кабинетъ и спальню отца,— комнату, имѣющую три названія въ одно и то же время, — она громко ахнула и чуть не выронила изъ рукъ чайницы отъ радостнаго волнующаго испуга. На рваномъ старомъ кожаномъ диванѣ, подъ теплой шинелью съ ильковымъ воротникомъ, спалъ нѣкто, незнакомый, молодой и прекрасный, по ея мнѣнію такой прекрасный, какіе рѣдко встрѣчаются въ жизни. Нина, чуть дыша, на цыпочкахъ приблизилась къ дивану. Передъ нею было свѣжее открытое смуглое лицо. Черныя брови, черныя бархатныя рѣсницы. Черные же усики, чуть намѣченные надъ верхней губой. И алый, ротъ чувственный и нѣжный.

— Владиміръ Ленскій, — прошептала Ниночка, прижимая худенькія руки къ груди и вся замирая отъ восторга.

— Владиміръ Ленскій, — прошептала она еще разъ съ тихимъ благоговѣйнымъ ужасомъ.

И вотъ сонные уливленно-расширенные глаза раскрылись. Черные, чуть выпуклые, блестящіе нестерпимо.

— Откуда ты, прелестное дитя? — не безъ от-

тѣнка юмора продекламировалъ студентъ. Онъ принялъ маленькую дѣвушку въ первую минуту за ребенка. И вдругъ, замѣтя длинное какъ у взрослой платье и вполнѣ сформированную подъ дешевенькой тканью налившуюся грудь, и эти глаза, угрюмые и прекрасные, задумчивые и восторженные въ одно и то же время, глаза съ необъяснимо волнующимъ выраженіемъ устремленные на него,—смутился.

— Простите... ради... Бога... Я думалъ... я думалъ... — пролепеталъ онъ, натягивая на плечи сползшую шинель,—я не ожидалъ встрѣтить здѣсь взрослую барышню.

— Да я и не барышня вовсе. Я—Нина. Дочка здѣшняго начальника полустанка,—поспѣшила отвѣтить дѣвушка, теребя тонкими пальцами одной руки рукавъ другой.—А вы, можетъ, чаю хотите? Я вамъ налью. Со сливками. Или кофе? И свѣжую булку велю принести Агафьѣ. Вчера у насъ булки пекли. И сливки есть хорошія, деревенскія. Вотъ испробуйте, такъ сами увидите. — И она улыбнулась смущенной, милой улыбкой, отъ которой просіяло и странно похорошѣло ея некрасивое незначительное веснушчатое лицо.

— Что то въ ней есть такое... притягатательное, несмотря на то, что въ общемъ дурнушка. А глаза какъ звѣзды... — проносилось въ головѣ Димитрія Васильевича Радина, пока онъ пилъ чай съ густыми похожими на сметану сливками и съ домашней рыхлаго тѣста булкой. А она, обрадованная возможностью подѣлиться впечатлѣніями своей несложной монотонной жизни, говорила

ему о нѣжныхъ одуванчикахъ, о зеленомъ прудѣ и бѣлыхъ равнинахъ, о бывшей учительницѣ Аннѣ Семеновнѣ, обо всѣхъ убогихъ радостяхъ ея въ здѣшней глуши.

Между тѣмъ, мятель унялась къ полудню. Выглянуло солнце, скупое, студеное, январское. Но съ заносами еще не управились, и путь все еще расчищали, долго, старательно, усердно, на своемъ и сосѣднемъ участкѣ. Пассажиры разбрелись по насыпи и, разминая затекшія ноги, гуляли вдоль шпалъ. Машинисты весело гуторили за кипящимъ чайникомъ на паровозѣ.

Казалась празднично-свѣтлой природа кругомъ. Бѣлая какъ сахаръ равнина притягивала взоры.

— Хотите на лыжахъ побѣгать? у папаши лыжи есть и у меня тоже,—предложила Нина Радину, когда чай былъ допитъ и булки уничтожены дочиста.

— А поѣздъ долго еще простоитъ? Не опоздаю я?

— Вотъ еще что выдумали. До сумерекъ не тронетесь. Папаша приходилъ, сказывалъ;—и не дожидаясь его согласія, побѣжала за дешевенькими приспособленіями для несложнаго спорта, которымъ сама увлекалась зимой.

V.

Бѣлѣла сахарная равнина, сверкая разноцвѣтными блестками подъ студенымъ, малогрѣющимъ солнцемъ. Не слышно было обычныхъ желѣзнодорожныхъ сигналовъ. Вслѣдствіе заносовъ въ пути

стали поѣзда, пресѣклось движеніе. Маячили одинокія фигуры и темныя группы людей на насыпи. Нинѣ и Радину они казались издали маленькими козявками; и поѣздъ тоже издали чудился игрушечнымъ. Они ушли далеко на лыжахъ версты за двѣ по снѣжной равнинѣ. Отъ быстраго бѣга разгорѣлись щеки дѣвушки. Голубымъ огнемъ загорѣлись глаза. И выбились изъ подъ платка русые вьющіеся отъ природы завитки волосъ.

— А вѣдь она, шельма, сейчасъ премиленькая,— рѣшилъ Димитрій Васильевичъ,—онъ же по общему товарищескому приговору безпутный Димушка,—поглаживая черные молодые усики и съ удовольствіемъ охватывая взглядомъ миніатюрную стройную фигурку, и бѣлорозовое горящее румянцемъ юное личико, дѣйствительно, похорошѣвшее на морозѣ въ разгарѣ спорта, и сверкающіе какъ голубыя звѣзды глаза.

Заговорили о книгахъ, о беллетристикѣ, о Пушкинѣ. Дима былъ удивленъ несказанно, что скромная дочь ссыльнаго начальника полустанка, имѣла понятіе и о Полтавѣ, и о Евгеніи Онѣгинѣ, и о Гоголѣ съ его Майской ночью, съ его Мертвыми душами.

Бѣжали теперь оба, запыхавшіеся, румяные, возбужденные, чуть вскрикивая каждый разъ, что быстро слетали лыжи по скату сугроба. На одномъ мѣстѣ не удержались и, не размыкая рукъ (все время держались за руки), оба полетѣли въ снѣгъ, хохоча какъ безумные

Случилось такъ, что захолодѣвшая щечка Нины попала подъ горячія губы студента, и знойно об-

жегъ ее неожиданный быстрый поцѣлуй. А за нимъ другой, третій, четвертый.

Тяжело и неровно дыша, Нина поднялась съ колѣнъ, страстно-взволнованная, испуганная и обрадованная.

— Что вы? Что вы? Что вы дѣлаете? Грѣхъ какой такъ обижать беззащитную.

А у самой въ сѣро-голубыхъ глазахъ призывъ и желаніе.

За восемнадцать лѣтъ, прожитыхъ въ степи, среди снѣга или одуванчиковъ, она не испытала еще ни разу смутнаго волненія первыхъ порывовъ любви. Правда, ждала ихъ и звала безсознательно. И теперь они нахлынули вдругъ, горячіе, долгожданные.

Вотъ онъ—ея идеалъ, этотъ смуглый красавецъ, этотъ новый Владиміръ Ленскій, что цѣлуетъ ее и шепчетъ ей на ушко:

— Нинуся... Ниночка... Нинуша... Прелесть моя, сказка моя степная, непосредственная... Нинёнокъ мой, одуванчикъ мой, снѣжинка моя милая, вѣдь я влюбленъ сейчасъ въ тебя... Видишь, влюбленъ?.. Околдовала ты меня сразу, маленькая колдунья. Ну, такъ поцѣлуй же, ну, такъ приласкай же... Ну, сама поцѣлуй... Ну, Ниночка...

Ахъ, какой голосъ! Ахъ, какія бархатныя нотки въ немъ! Въ самую душу просятся. Въ самую душу вонзаются... И голова отъ нихъ кружится... И сердце бьется...

И сразу блѣднѣя отъ приступа и волны первой неудержимой страсти, Нина прильнула къ чувственному алому рту, по-дѣтски закинувъ за шею

Радина хрупкія маленькія ручки и шепча словно въ забытьѣ: „Владиміръ Ленскій! Владиміръ Ленскій! Мой Димушка! Мой миленькій! Мой родной“!

VI.

Такъ же шептала и въ отдѣльномъ купе, которое занималъ съ товарищемъ-попутчикомъ Радинъ въ поѣздѣ и куда уговорилъ, снявъ лыжи, пойти отогрѣться Нину. Товарищъ завелъ знакомства съ барышнями изъ сосѣдняго вагона и ушелъ съ ними смотрѣть на расчистку пути, и Дима заперъ купе на задвижку.

Дрожа, но уже не отъ холода, а отъ волненія, сидѣла у него на колѣняхъ Нина... Ѣла конфекты изъ поставленной передъ нею на вагонномъ столикѣ-полочкѣ коробки, пила налитый изъ дорожной фляги въ микроскопическую рюмку-крышку крѣпкій и сладкій какъ сиропъ ликеръ.

— Это бенедиктинъ,—шепталъ Радинъ,—всегда беру съ собой въ дорогу. Пей, пей, не бойся, лучше согрѣешься... А опьянѣешь, — поцѣлую-расцѣлую хорошенько и протрезвлю совсѣмъ.

Но поцѣлуи пьянили больше ликера. А тепло и полусвѣтъ, господствующіе въ купе, разслабляли, наводя истому. И постепенно смуглое лицо, склонявшееся надъ лицомъ Нины, дѣлалось все больше, все значительнѣе, все прекраснѣе. Туманомъ застлалось зрѣніе. Клокочущая волна залила тѣло, хлынула въ голову, свинцомъ напитала жилы, и, слабѣя, съ сомкнутыми глазами и тихимъ крикомъ радостнаго ужаса, восторга и страха, охмѣлѣвшая дѣвушка упала на грудь Радина.

VII.

Часомъ позже, возвратившись къ себѣ въ крохотное зданьице-будку, думала о томъ, что не знала до сихъ поръ ласкъ человѣческихъ, ласкъ матери, выросла какъ одичалый звѣрекъ одиноко и грустно, и что первый онъ, Дима, приласкалъ ее.

Дальше вспомнилось и то, что свершилось нѣчто непоправимое, неожиданно-страшное, роковое. Вспомнила его слова, когда, тихо и любовно, то и дѣло цѣлуя ея мокрые глаза, выпроваживалъ ее изъ купе нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Не плачь... не плачь, крошка... Не плачь, одуванчикъ мой... Снѣжинка моя чистая... Возвращаться отъ матери буду, заѣду къ тебѣ. Уговоримся о свадьбѣ. У отца твоего стану просить твоей руки. Здѣсь же и повѣнчаемся. А потомъ увезу тебя отсюда, рыбку мою.

И про себя еще разъ повторила эти слова Нина уже со свѣтлой улыбкой. Потомъ легла на диванъ, на которомъ Владиміръ Ленскій,—онъ же и ея Димушка,—спалъ эту ночь, и съ блаженно-счастливымъ лицомъ забылась. Еще сладко ныло тѣло отъ ласкъ, смявшихъ ее всю какъ былинку въ бурю. И въ туманѣ блуждали мысли. Подкрался сонъ, густой, крѣпкій, неслышный. И задавилъ сознаніе, и мысли, и чувства.

Нина заснула.

VIII.

Дѣвушка спала крѣпко и безмятежно безъ сновъ, полуживая отъ усталости пережитыхъ впечатлѣній.

Проснулась только, когда вернулся отецъ, стуча и слѣдя по комнатѣ мокрыми сапогами.

Хотѣлось спросить его, гдѣ гость, но удержалась во-время.

— Расчистятъ скоро путь?—только спросила.

— Экъ хватилась! Давно расчистили. Давнымъ давно! — расхохотался онъ хрипло, опрокидывая привычнымъ движеніемъ въ ротъ рюмку водки.

— А поѣздъ № 17-ый?

— Ушелъ.

— Что?

— Вотъ тебѣ и что. Давно ушелъ, говорю.

— Да что это тебя такъ трогаетъ, скажи на милость, дѣвонька? Гостя проспала? Тоже невидаль гость то. Студіозъ голоштанный, то же, что и мы грѣшные, ничего, что во второмъ прикатилъ. Послѣдній рубль козыремъ для форса. И шубу съ ильковымъ воротникомъ тоже для форса носитъ, чтобы вашу сестру-дуру прельщать. Знаю я такихъ. А ты на него небось глаза пялила? Берегись, Нинушка. Отцу некогда. Отцу не услѣдить. Такъ сама себя соблюдать должна. Слышишь?—уже совсѣмъ промямлилъ онъ, опрокидывая новую рюмку. Но Нина ничего не слышала изъ всего того, что говорилъ отецъ. Слышала одно: путь расчищенъ, поѣздъ № 17-ый ушелъ. Ушелъ и увезъ ея первую, внезапно горючую и внезапно нѣжную привязанность въ мірѣ. А она даже и не простилась съ нимъ. Она не повидалась съ нимъ еще разъ передъ разлукой. Не прильнула еще разъ къ этимъ чернымъ милымъ глазамъ и къ смуглой щекѣ, ни къ

алому рту, изъ котораго услышала такія нѣжныя слова, полныя чарующей ласки.

Уѣхалъ не простясь послѣ всего, что случилось. Какъ же такъ? Какъ же быть? Внезапно точно темная глыба придавила мозгъ. Стало трудно дышать. Больно двигаться, нестерпимо смотрѣть на свѣтъ. Слезы задержались въ груди, не вылившіяся наружу, и мучили несказанно. Все впереди казалось тусклымъ сѣрымъ, безсмысленнымъ. Захотѣлось молчанія смерти, отдыха вѣчнаго, небытія и оцѣпенѣнія. Огромное, только что выросшее и могучее чувство казалось казнью, мукою нестерпимою, адскою пыткой. А тутъ еще отецъ, опрокидывая въ себя рюмку за рюмкою, мычитъ что то непристойное о проѣзжемъ гостѣ и о несоблюденіи себя, дополняя свои рѣчи безсмысленными угрозами. А слезы все не идутъ, все не приходятъ на помощь, облегчающія душу слезы.

X.

Потекла старая давно установленная жизнь. Старая, но не прежняя.

По старому напивался ночами отецъ. По старому визжали локомотивы среди степного затишья, и пыхтя приближались и удалялись отъ платформы № 10 пассажирскіе и товарные поѣзда.

По старому бѣлѣли вокругъ сверкающіе на солнцѣ снѣга равнины зимой, а лѣтомъ почти такъ же бѣлѣло одуванчиками и алѣло кашкою поле. Но люди были не прежніе Въ селѣ Клушинѣ и въ окрестныхъ деревняхъ готовились къ мобилизаціи. Матери, жены, сестры, дѣти, отцы прово-

жали запасныхъ, призванныхъ на службу на пункты своихъ кормильцевъ. На-спѣхъ заканчивали работы. Была страда. Кипучая пора. Начало іюля. Сѣно убиралось, готовились къ жатвѣ. Пестрѣли разноцвѣтными рубахами и сарафанами поля.

Агафья, возвращаясь изъ Клушина, каждый разъ приносила новости: „Микиту Софонова вызвали... Еще Ивана Туркина и Лександра Дубинина". И много, много еще другихъ. И тутъ же причитала, что хлѣбъ съ полей убрать не придется: что несладко, поди, а люди молчатъ. Молчалъ потому-де, что дѣло сурьозное, что нѣмецъ надоѣлъ, что Австрія баламутитъ, что русскую честь во славянствѣ хотятъ задѣть.

А потомъ, вскорѣ какъ опустѣли села и деревни, пронесся слухъ, что объявлена намъ нѣмцами война.

Теперь мимо платформы № 10 проходили то варные и пассажирскіе поѣзда, переполненные войсками. Изъ нихъ высыпали сѣрыя шинели, наводняли собою платформу, суетились съ чайниками, гуторя, балагуря, выкрикивая пѣсни. Были и степенные, солидные, съ бородами, съ лучащимися морщинками вокругъ глазъ, оторванные войною отъ семействъ, службы, работы. Но и у молодыхъ и у пожилыхъ одинаково лица хранили одну и ту же готовность идти на все, на борьбу смертную съ врагомъ издревле ненавистнымъ...

Нина машинально, какъ автоматъ, выходила на платформу, смотрѣла угрюмыми, затаившими угрозу голубовато-сѣрыми глазами на возбужден-

ныя лица, на сѣрыя шинели, а мозгъ сверлила одна мысль... Все одна и та же, отъ зари до зари, въ часы безсонницъ, отъ солнца до луны, мучительнымъ ядомъ злобы и ненависти зажигая душу:

— Не пріѣхалъ, какъ обѣщалъ... Обманулъ... Не пишетъ... Ни слова не пишетъ и не ѣдетъ... Владиміръ Ленскій... Обманщикъ... Лукавый... Проклятый... Проклятый... Проклятый...

И уже не было любви въ сердцѣ. Была одна ненависть, щемящая, надрывающая все существо, больная...

Слишкомъ много было пережито горя все послѣднее время. Слишкомъ непосильною была тяжесть, наваленная на ея хрупкія плечи тѣмъ обманщикомъ... предателемъ. Уже полтора года прошло съ той памятной ночи, когда она, глупая и безвольная, отуманенная первой страстью и сладкимъ ликеромъ, потеряла свою честь, тамъ, въ маленькомъ купе вагона. Полтора года. А сколько воды утекло. За первымъ пришло и второе несчастье: она забеременѣла. Пришлось открыться Агафьѣ. Съ ея помощью отдѣлалась отъ „видимаго“ позора. Избавилась. Дома долго лежала потомъ, борясь между жизнью и смертью. Да и теперь не совсѣмъ еще оправилась. На смѣну болѣзни пришла апатія. Всколыхнула, вывела изъ нея нѣсколько война. Началась кругомъ новая жизнь. Все закипѣло. Закрыли кабаки. Прекратилось пьянство. Самъ Груздевъ, угрюмый, молчаливый, но трезвый, еще ретивѣе ушелъ въ свою службу.

Приходили и уходили воинскіе поѣзда.

Нина выходила къ каждому, сурово вглядывалась въ лица офицеровъ, ища въ нихъ отдаленнаго сходства съ тѣмъ смуглымъ „прельстителемъ“, искала жадно съ затаенной злобой и ненавистью, сама не понимая зачѣмъ и къ чему.

Знала отлично, что не пойдетъ онъ, Радинъ, на войну, что не любилъ онъ, по словамъ его, „военщины“, что единственный онъ при томъ сынъ у матери. А все-таки ждала, а все-таки искала, измученная, истерзанная, озлобленная...

XI.

Это случилось такъ неожиданно, такъ дико-внезапно, что долго-долго потомъ думалось Нинѣ, что то былъ сонъ, тяжелый и кошмарный.

Блѣднѣло осеннее небо. Гулялъ на равнинѣ сентябрьскій вѣтеръ. Ползли уныло тяжелыя дождевыя тучи, и нагло алѣла красная рябина у нихъ на задворкахъ за краснымъ зданіемъ. Поеживаясь и кутаясь въ платокъ, вышла она на полустанокъ на далекій призывъ приближающагося поѣзда. Смотрѣла широкими угрюмыми глазами, какъ выбѣгали, суетясь, солдаты съ чайниками и сновали по платформѣ. Какъ чинно и молодцовато прохаживались офицеры въ сѣрыхъ грубыхъ солдатскихъ шинеляхъ, въ фуражкахъ защитнаго цвѣта.

И вдругъ вздрогнула отъ неожиданности всѣмъ своимъ худенькимъ тѣломъ. Прямо къ ней шелъ высокій солдатъ въ боевой походной аммуниціи. Смуглое лицо... гордый лобъ... бархатныя брови, и глаза... его глаза, которые она узнаетъ изъ тысячи... Замерла на мгновенье. Потомъ хотѣла бѣ-

жать, и застыла на мѣстѣ какъ скованная; смятая, раздавленная неожиданностью.

Опомнилась только тогда, когда онъ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Нина! — Простите меня, Нина, — услышала первую фразу изъ чувственныхъ, милыхъ, знакомыхъ губъ.

Смуглое лицо потеряло всю свою самоувѣренность, и казалось теперь робкимъ и жалкимъ. И черные глаза молили...

— Простите меня... Простите, Нина.

Солдаты, занятые кипяткомъ, не обращали на нихъ вниманія. Офицерамъ же, съ которыми ѣхалъ въ отдѣленіи вольноопредѣляющійся Радинъ, онъ сказалъ просто:

— Здѣсь на платформѣ № 10 живетъ дѣвушка, которой я увлекся когда то. Мнѣ необходимо съ нею переговорить.

И тѣ изъ деликатности не замѣчали странной пары: ея—въ большомъ платкѣ съ некрасивымъ веснушчатымъ лицомъ, его—смуглаго красавца въ солдатской шинели.

Теперь они стояли другъ противъ друга. Она—смущенный, сконфуженный, потерянный. Она—угрюмая, озлобленная, несчастная, и упорно, не отрываясь, смотрѣли въ глаза другъ другу.

— Нина, милая Нина... Я знаю, что я виноватъ передъ вами... страшно виноватъ... На всю жизнь... И до самой смерти не искупить мнѣ этой моей вины... Но вѣдь можетъ быть, эта смерть уже близка, Нина... Вы видите, я иду на войну... Я не могъ... Я не могъ сидѣть сложа руки, молодой и

сильный, и здоровый, когда они всѣ,—онъ повелъ въ сторону сѣрыхъ шинелей,—съ такой готовностью идутъ побѣждать и умирать. И я пошелъ съ ними... Мать отпустила... Жена...

— Жена!—какъ эхо, глухо, чуть слышно отозвалась дѣвушка, и послѣднія краски легкаго румянца стали сбѣгать съ ея щекъ.—Жена...

— Да, Нина... Я не хочу лгать... Я женился... Вскорѣ послѣ того... той встрѣчи съ вами... Я знаю, это подлость... мерзость... предательство... Но матерью моей, жизнью моей клянусь вамъ, Нина, я не обманывалъ васъ тогда. Я хотѣлъ вамъ писать... хотѣлъ вернуться... И тогда же у постели больной матери я встрѣтилъ дѣвушку, мою теперешнюю жену. И полюбилъ ее... Чувство это налетѣло и подхватило какъ вихрь... Духу не хватило вамъ писать объ этомъ... А теперь не могу, не смѣю молчать... Иду, можетъ быть, на смерть я, Нина. Подъ нѣмецкій штыкъ, подъ австрійскую пулю... И знаю, что въ жизни, оставшейся за мною, есть темное позорное пятно,—это—мой поступокъ съ вами... я не смѣю просить о прощеніи, и не могу ѣхать подъ пули съ этимъ гнетомъ, съ этимъ адомъ въ душѣ... Пожалѣйте меня, Нина... Пощадите... Протяните вашу руку... И я пойму, что вы не проклинаете меня...

Онъ замолкъ, и тѣми же смущенными, жалкими глазами впивался въ ея глаза.

Блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ, она смотрѣла почти съ ужасомъ въ это смуглое красивое лицо, теперь искаженное мукой.

„Жена... можетъ быть ребенокъ... онъ любитъ

ее... А ее никогда не любилъ и бросилъ... Не забудетъ она ему этого... Не проститъ никогда... никогда... Забылъ... бросилъ какъ вещь ненужную... Насладился мимоходомъ ея чистотою, ея нетронутостью... Извергъ... злодѣй... Пусть убиваютъ его тамъ безъ ея прощенія... Пусть"...

Хотѣла вырвать руку, которую онъ уже держалъ въ евоей. Хотѣла крикнуть жестокія, злобныя слова... Взглянула снова въ его глаза съ жгучей, колющей ненавистью, и вдругъ неожиданно, глухо прорыдавъ: „Богъ съ вами! Богъ съ вами!", кинулась бѣгомъ съ платформы къ красному зданію.

. . . . . .

А черезъ мѣсяцъ изъ газеты случайно узнала, что его разорвало на части нѣмецкой шрапнелью, и еще позже о томъ, что убитая горемъ мать везетъ куски тѣла сына въ свинцовомъ гробу хоронить въ Невской лаврѣ, въ столицу.

Выходила къ печальному поѣзду. Пробралась къ свинцовому гробу и долго и тихо стояла у изголовья, безъ слезъ, безъ рыданій, закаменѣвшая въ горѣ, какъ никогда любящая, примиренная...

Мститель.

I.

Карлъ Гольдъ давно мечталъ перейти въ русское подданство, но скрывалъ это отъ родителей, настоящихъ прирожденныхъ нѣмцевъ. Старый Фридрихъ Гольдъ, хозяинъ часового магазина на главной, Влоцлавской улицѣ, убилъ бы собственными руками сына, если бы призналъ въ своемъ Карлѣ русскаго подданнаго. Но онъ такъ и отправился въ горнія селенія, ничего не вѣдая о намѣреніяхъ единственнаго и любимаго сына. А что касается фрау Катарины Гольдъ, старой почтенной нѣмки, то ей и въ голову не приходило, чтобы ея Карлуша, которому шелъ теперь уже двадцать седьмой годъ, могъ совершить подобную измѣну по отношенію къ своему „фатерланду". Вѣдь онъ даже всѣмъ своимъ внѣшнимъ поведеніемъ доказывалъ, что остается истымъ сыномъ своей націи: онъ повидому искренне почиталъ великаго кайзера, и даже надъ его рабочимъ столомъ, какъ и напротивъ входа въ часовой магазинъ Гольдовъ, висѣлъ поясной портретъ Вильгельма II.

Въ дѣтствѣ, по недосмотру няньки, Карлъ выпалъ изъ окна голубятни, повредилъ себѣ сухо-

жиліе и съ тѣхъ поръ остался хромымъ. Эта хромота была бичемъ, проклятіемъ всей его жизни. Больше всего на свѣтѣ онъ любилъ женскую красоту, но — увы! — менѣе всего имѣлъ успѣха у прекраснаго пола. А между тѣмъ онъ былъ далеко не глупъ, въ мѣру мечтателенъ, въ мѣру сентименталенъ, что должно было бы нравиться молодому женскому населенію маленькаго, лежавшаго почти на самой границѣ съ Пруссіей губернскаго города. Къ тому же у него были страстные, тоскующіе голубые глаза и благородный профиль. Если прибавить еще къ этому и довольно туго набитые карманы Карла Гольда, то при другихъ обстоятельствахъ молодого часовщика города N можно было бы отнести къ числу завидныхъ мѣстныхъ кавалеровъ-жениховъ. Однако хромая нога при крошечномъ ростѣ портила все дѣло. И, когда маленькая ковыляющая фигура Карла переходила улицу или спускалась со ступеней магазина, дѣвушки-невѣсты изъ числа нѣмецкаго и польскаго населенія города менѣе всего обращали вниманія на страстно тоскующіе глаза и благородный профиль молодого Гольда; его хромая нога и безобразная фигура прежде всего назойливо лѣзли въ глаза.

II.

Будучи въ восьмомъ классѣ гимназіи, Карлъ Гольдъ полюбилъ Зою Карповскую.

Въ Энскѣ стоялъ небольшой гарнизонъ, и у военнаго фельдшера, выслужившаго вторую службу, была молоденькая дочь Зоя. Карповскій, сколотившій

кое-какія денженки, отдалъ дочь въ гимназію. Училась Зоя хорошо, кончила курсъ съ серебряной медалью и, еще задолго до выпуска изъ учебнаго заведенія, привлекала къ себѣ своей, исключительно пикантной мордочкой, большую часть молодого мужского населенія Энска.

Какъ-то двоюродный братъ Зои познакомилъ Карла Гольда съ сестрой, и съ первой же минуты молодой нѣмецъ-часовщикъ воспылалъ къ дочери русскаго фельдшера самымъ пламеннымъ чувствомъ.

Нѣжная, сѣроглазая Зоя, ея свѣжая, чистая красота, ея бойкость и природная живость совсѣмъ околдовали Карла, и юный гимназистъ потерялъ голову подъ вліяніемъ чаръ дѣвушки. Между молодыми людьми возникли самыя чистыя отношенія, полныя поэзіи и красоты. Карлъ Гольдъ былъ немножко поэтомъ, и его письма къ Зоѣ, передаваемыя черезъ того же благодѣтеля, двоюроднаго брата, невольно захватывали дѣвушку. Потомъ начались частыя свиданія молодой парочки въ тѣнистыхъ, укромныхъ уголкахъ бульвара или общественнаго сада. Наконецъ Карлъ расхрабрился и въ одну душную іюньскую ночь объяснился въ любви своей богинѣ.

О, у него, Карла Гольда, были самыя чистыя, самыя честныя намѣренія! Онъ предлагалъ Зоѣ въ мужья не нѣмца-пруссака Гольда, а будущаго русскаго подданнаго. Ради нея, умницы и красавицы Зои, онъ готовъ стать настоящимъ русскимъ. А ей, Зоѣ, не слѣдуетъ плевать въ колодезь, потому что у нихъ, Гольдовъ, слава Богу,

есть кое-что про черный день, а онъ, Карлъ—единственный сынъ въ семействѣ; стало быть и магазинъ, и домъ на Влоцславской, кромѣ всего остального, будутъ принадлежать исключительно ему, слѣдуетъ подумать, прежде чѣмъ сказать рѣшительное слово.

И Зоя Карповская подумала.

Разумѣется, Карлъ — нѣмецъ и калѣка. Но строго говоря, другой хорошей партіи ей не дождаться. Къ тому же ради нея Карлъ перейдетъ въ русское подданство. А что онъ хромой, такъ эта — вздоръ; лицомъ Карлъ куда красивѣе многихъ здѣшнихъ кавалеровъ, такъ что и хромота его при общемъ впечатлѣніи какъ нибудь сойдетъ. А ужъ стихи онъ такіе пишетъ, какихъ никому изъ здѣшнихъ не написать! Богъ знаетъ, пожалуй и знаменитостью станетъ когда нибудь Карлъ. Многія изъ ея подругъ съума посошли по его страстнымъ призывнымъ стихамъ, и она втайнѣ гордилась своимъ талантливымъ поклонникомъ. Конечно пусть пока что переходитъ въ русское подданство, а тамъ они и поженятся, если приведетъ Господь!

III.

Карлъ шелъ задумчивый и грустный по бульвару. Мало утѣшительнаго дали ему всѣ эти дни. Вотъ уже три года, какъ онъ, русскій подданный, втайнѣ отъ матери помолвленъ съ Зоей Карповской, а между тѣмъ свадьба все откладывается. И сама Зоя въ послѣднее время какъ-то измѣнилась по отношенію къ нему: давно уже она не востор-

гается его стихами, давно избѣгаетъ встрѣчъ съ нимъ и старается подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ уйти изъ дома, когда онъ приходитъ иногда поиграть въ шашки съ ея старымъ отцомъ. Къ тому же онъ сталъ съ нѣкоторыхъ поръ встрѣчать Зою въ сопровожденіи студента Вишневскаго на улицѣ и на бульварѣ. Все это доставляло немало горя Карлу, заставляя болѣзненно сжиматься его сердце.

А тутъ еще не веселили вдобавокъ и общія дѣла. Германія объявила войну Россіи, и не сегодня-завтра прусское войско могло занять беззащитный городъ. Многіе жители уже уѣхали изъ него.

Маленькому гарнизону было приказано тоже выдти отсюда безъ боя, ввиду превосходныхъ силъ непріятеля. Карповскій ушелъ вмѣстѣ со своей частью. Но семья его была еще здѣсь. Зоя съ матерью, вопреки всѣмъ совѣтамъ и желаніямъ отца, рѣшила остаться въ городѣ. По ихъ мнѣнію, нельзя было бросить хозяйство на произволъ судьбы, тѣмъ болѣе что нѣмцы, по общему отзыву, — культурные, просвѣщенные люди и конечно не станутъ обижать мирныхъ жителей Энска. Стало быть, нечего ихъ бояться. И мать съ дочерью рѣшили остаться хотя бы временно, пока не уложатъ и не вывезутъ всего своего имущества.

Въ одинъ изъ вечеровъ Карлъ Гольдъ шелъ провѣдать ихъ, а кстати и подѣлиться событіямъ послѣднихъ дней. Нѣмцы уже взорвали мостъ на рѣкѣ и подступили къ городской заставѣ. Утромъ нѣсколько прусскихъ уланъ показались на пло-

шади, съ часа на часъ надо было ожидать вторженія непріятеля въ городъ.

Карлъ шелъ, по обыкновенію сильно прихрамывая на правую ногу. Продольная морщинка залегла между его черными бровями и лицо пріобрѣло какую-то несвойственную ему угрюмость. Онъ думалъ о нѣмцахъ, своихъ единоплеменникахъ, думалъ о Зоѣ, о томъ, что если понадобится защитить дѣвушку, то онъ, Карлъ Гольдъ, отдастъ за нее жизнь. Въ его карманѣ на всякій случай лежалъ браунингъ.

А надъ угрюмой головой Карла безмятежно сіяло млечнымъ сіяніемъ вечернее небо. Кое-гдѣ загорались звѣзды. Таинственно-прихотливыми силуэтами стояли ряды липъ на бульварѣ, бросавшія на аллею тѣнь.

Карлъ доковылялъ до конца бульвара, вышелъ на площадь и свернулъ въ переулокъ. Вотъ и казармы мѣстнаго крошечнаго гарнизона, теперь оставленныя частью. Только въ квартирѣ фельдшера, тамъ, гдѣ бѣлѣетъ среди сада зданіе пріемнаго покоя, въ темной ночной зелени свѣтился огонь.

„Теперь уже десять,—подумалъ Карлъ,—и у нихъ пьютъ чай. И это очень кстати: по крайней мѣрѣ застану дома Зою. Надо же когда нибудь договориться съ ней“.

Съ этими мыслями Карлъ направился черезъ садъ къ крыльцу.

Внезапно тихій смѣхъ и шепотъ въ кустахъ привлекли его вниманіе.

„Неужели Зоя? Но съ кѣмъ же она?“

Карлъ не долго стоялъ раздумывая—тревога взяла свое. Нагнувшись и втянувъ голову въ плечи, онъ поползъ къ тому мѣсту, гдѣ раздавались голоса. При свѣтѣ луны можно было довольно далеко различать предметы. И то, что увидѣлъ Карлъ, бросило его сначала въ жаръ, потомъ въ холодъ.

Зоя сидѣла на скамьѣ, запрокинувъ голову кверху и прислонившись теменемъ къ стволу вѣкового каштана. Ея глаза особенно ярко сіяли при свѣтѣ луны; улыбка раскрывала губы. Около нея сидѣлъ Стась Вишневскій, племянникъ городского ксендза, пріѣхавшій на каникулы изъ кіевскаго университета, красивый, обаятельный полякъ, съ начала весны вскружившій всѣмъ мѣстнымъ дамамъ и барышнямъ головы. Одна рука Стася обвивала талью Зои, другая сжимала ея руки.

— Ты любишь меня? — горячо нашептывалъ Стась дѣвушкѣ. — Ты любишь меня?... А я не смѣлъ надѣяться... О, Зоя, моя Зоя! Какъ счастливъ я, какъ безконечно стастливъ съ тобою! Вѣдь я думалъ до сихъ поръ, что моя Зоя всецѣло занята своимъ женихомъ, этимъ красивымъ хромымъ поэтомъ, который...

— Молчи, молчи! Не произноси мнѣ этого имени, Стасикъ, любимый мой! Мнѣ противно подумать о немъ. Когда-то, будучи чуть ли не ребенкомъ, я увлеклась его глазами, его талантомъ, но теперь, когда вы... когда ты... когда я всецѣло принадлежу моему Стасю, могу ли я еще думать о комъ ни...

Зоя не договорила, потому что губы Вишневскаго прильнули къ ея рту и зажали его.

Карлъ, видѣвшій и слышавшій все отъ слова до слова, заскрипѣлъ зубами. Его рука конвульсивно стиснула рукоятку револьвера, другая сама собою сжалась въ кулакъ. Онъ уже торжествовалъ при одной мысли о томъ, что сейчасъ оба—и Стась, и Зоя—будутъ лежать бездыханными трупами у его ногъ. Это опьяняло его, наполняя сладкимъ и злобнымъ удовлетвореніемъ его оскорбленную душу. Онъ уже вытащилъ револьверъ и спокойно прицѣлился въ цѣлующуюся пару.

И вдругъ иная мысль прожгла его мозгъ. Въ сущности развѣ принесетъ ему удовлетвореніе смерть Зои и ея избранника, — о этого слишкомъ мало. Развѣ можетъ онъ, совершая казнь этихъ двоихъ, указать имъ мотивъ, руководящій его отплатою, особенно ей, Зоѣ, которой онъ такъ слѣпо вѣрилъ и на которую надѣялся, какъ на самого себя? Да, онъ любилъ эту статную, рослую Зою, любилъ ея ярко выраженную славянскую красоту, ея милую безпечность и ребячливую веселость. Но теперь, сейчасъ онъ ненавидѣлъ ее, эту Зою, погубившую всѣ его надежды, насмѣявшуюся надъ нимъ.

О, онъ сумѣетъ жестоко отмстить и ей, и этому мальчишкѣ, укравшему у него ея любовь, и упиться своею местью во всякое время. Смерть—слишкомъ большая роскошь для нихъ. А пока, пока...

И Карлъ весь дрожалъ отъ ненависти, бѣшенства и злобы.

IV.

Незадолго до солнечнаго заката вошли нѣмецкіе стряды въ городъ, а на другое утро уже началась оргія всяческихъ насилій и издѣвательствъ надъ мирными обывателями Энска.

Среди ночи одиноко и гулко протрещалъ провокаторскій выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. На разсвѣтѣ нѣмецкій маіоръ—комендантъ—нарядилъ слѣдствіе, и пруссаки, съ пьяныхъ глазъ впотемкахъ перестрѣлявшіе своихъ же солдатъ, нагло заявили, что выстрѣлы раздавались изъ домовъ обывателей.

Въ полдень у зданія магистрата, гдѣ находидось теперь комендантское управленіе, показался хромой юноша съ пылающими глазами, съ блѣднымъ безъ кровинки лицомъ. Онъ потребовалъ у часового, чтобы его провели къ маіору-коменданту.

Краснощекій, упитанный, съ вытаращенными глазами нѣмецъ-маіоръ принялъ Карла Гольда, заставивъ прождать добрый часъ въ передней. Послѣ двадцатой кружки пива и дымя зловонной нѣмецкой сигарой, маіоръ, стоялъ, какъ будто, не совсѣмъ твердо на ногахъ.

— Вамъ что надо?—довольно нелюбезно бросилъ онъ Карлу по-нѣмецки.

Но тотъ не смутился пріемомъ и отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ:

— Господинъ маіоръ, вы, должно быть, желаете точно узнать домъ, откуда стрѣляли по вашимъ доблестнымъ воинамъ?

Маіоръ прищурился и покрутилъ задранные кверху усы, которые онъ носилъ съ особенной торжественностью, подражая своему кайзеру.

— Ну?

— Я могу указать домъ, откуда стрѣляли,—не сморгнувъ глазомъ, произнесъ Карлъ.

— Великолѣпно! Мои солдаты пойдутъ за вами. Господинъ лейтенантъ, потрудитесь прослѣдовать за нимъ!—бросилъ маіоръ маленькому, съ осиной тальей прусскому офицерику, юлившему около него и тоже довольно-таки основательно „заложившему за воротъ“, потому что на ногахъ онъ держался не лучше своего маіора. Вырвавъ листокъ изъ блокъ-нота съ наскоро набросанными на немъ строками, начальникъ передалъ его своему подчиненному, изрекши при этомъ:—Разстрѣливать этихъ свиней безъ сожалѣнія!

Въ ту же минуту лейтенантъ, какъ на пружинахъ, выскочилъ за дверь, давъ знакъ Карлу слѣдовать за нимъ. У крыльца ихъ ждалъ нарядъ изъ нѣсколькихъ солдатъ.

Съ тѣмъ же смертельно блѣднымъ лицомъ и стиснутыми зубами Карлъ Гольдъ двинулся вдоль улицы рядомъ съ прусскимъ лейтенантомъ впереди отряда. На каждомъ шагу имъ попадались трупы. Цѣлыми массами разстрѣливались ни въ чемъ неповинные жители послѣ злополучной нѣмецкой перестрѣлки и лежали неубранными среди лужъ крови. Очевидно ихъ запрещали убирать.

Карлъ узналъ въ убитыхъ кое-кого изъ знакомыхъ. Въ другое время онъ отдалъ бы большую часть вниманія погибшимъ, сейчасъ же ему было

не до нихъ. Вся его душа томилась и горѣла одною только жаждою мести.

Вдругъ онъ остановился. Остановился и нѣмецкій отрядъ. Впереди пустыми окнами глядѣли на улицу казармы. Дальше бѣлѣли зданіе пріемнаго покоя и небольшая пристройка квартиры Карповскаго.

— Здѣсь! — произнесъ смертельно блѣдный Карлъ и, поднявъ руку, указалъ на пристройку къ бѣлому зданію.

— Туда! — коротко указалъ солдатамъ пруссакъ, и тѣ бросились чуть не бѣгомъ къ бѣлому домику.

Карлъ добѣжалъ до крыльца вмѣстѣ съ ними и, войдя въ сѣни, притаился за дверью.

V.

Старуха Карповская вмѣстѣ съ дочерью и Стасемъ Вишневскимъ сидѣла за столомъ. Предъ ними дымилась миска съ горячимъ супомъ, но никому и въ голову не приходило думать о ѣдѣ. На Зоѣ лица не было, и глаза молодого Вишневскаго съ тревогой и грустью слѣдили за каждымъ движеніемъ дѣвушки.

Цѣлое утро въ городѣ гремѣли выстрѣлы, слышались крики и стоны. Цѣлое утро Станиславъ пробылъ здѣсь, охраняя любимую дѣвушку. Карлъ не показывался, Карлъ пропалъ, забывъ какъ будто и думать о Зоѣ. Конечно онъ, Стась, сумѣетъ постоять за нее, за свою милую Зою.

И сейчасъ онъ думалъ объ этомъ, глядя на ея блѣдное лицо, старавшееся во что бы то ни стало сохранить спокойствіе. О, какъ онъ любилъ ее! Какъ хороша она даже сейчасъ, въ минуту высшей тревоги и страха за свою судьбу! Его дядя — ксендзъ, гордый, надменный шляхтичъ; онъ конечно не позволитъ ему жениться на маленькой мѣщаночкѣ. Но развѣ онъ, Стась, послушаетъ дядю, да еще теперь, когда его сердце бьется для Зои, исключительно для нея одной.

Шаги, раздавшіеся въ сѣняхъ, сразу дали иное направленіе мыслямъ молодого студента. Онъ вскочилъ и, уже предчувствуя опасность, заслонилъ собою дѣвушку.

Нѣсколько рослыхъ пруссаковъ вошли въ комнату.

— Берите его! — отдалъ короткое приказаніе прусскій лейтенантъ, указывая пальцемъ на Стася.

Тотъ выхватилъ револьверъ. Но уже было поздно—четыре дюжихъ пѣхотинца навалились на него и скрутили ему руки за спиною.

Зоя рванулась было за нимъ.

— Стась! Желанный! Милый!

Но его уже повели изъ бѣлаго домика туда, въ чащу тѣнистаго сада.

Вмѣсто него предъ дѣвушкой, точно изъ-подъ земли, выросъ Карлъ. Его глаза, округлившіеся, какъ у птицы, горѣли нездоровымъ огнемъ Все лицо было сведено судорогой; синія губы скривлены гримасой торжества злорадства. Вдругъ онъ, наклоняясь низки-низко къ лицу дѣвушки и до

боли сжимая ея плечи трясущимися руками, зашипѣлъ:

— Ага! Боишься?.. Струсила, когда наступилъ часъ расплаты?.. Ага! Ну, что-жъ, такъ и надо было ожидать... Цѣловаться и обниматься умѣли, а какъ пришла пора умирать, небось...

Онъ не договорилъ. Прусскій лейтенантъ безъ церемоніи взялъ его за плечи и, толкнувъ впередъ, отшвырнулъ отъ себя такъ сильно, что Карлъ, пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, больно ударился о стѣну головою.

Теперь уже не онъ, а пруссакъ нагибался къ Зоѣ и шепталъ ей, безбожно коверкая русскія слова и дыша ей въ лицо запахомъ сигаръ и виннаго перегара:

— О, что за идіотъ—этотъ мозглякъ! Онъ, кажется, испугалъ васъ, моя красотка? О, какой свинья! Развѣ такъ надо обращаться съ молодыми дѣвушками? Имъ нужны ласки и поцѣлуйчики, а не грубыя слова!

Пьяный пруссакъ изловчился и, не обращая вниманія на присутствіе солдатъ и отчаянные вопли старухи Карповской, бившейся въ ихъ рукахъ, облапилъ Зою и потащилъ ее въ сосѣднюю комнату.

Старая мать рванулась за ними, но одинъ изъ солдатъ безцеремонно ударилъ ее прикладомъ въ голову, и ошеломленная ударомъ старуха, потерявъ сознаніе, медленно стала опускаться на полъ.

Карлъ видѣлъ все это изъ своего угла, видѣлъ и слышалъ все, что происходило вслѣдъ за этимъ,

слышалъ ружейный залпъ, прогремѣвшій въ саду, слышалъ вопли Зои, призывающіе на помощь. И тотъ отчаянный вопль, въ которомъ не осталось ничего человѣческаго, огласилъ бѣлый домикъ.

Карлъ слушалъ напряженно. Слышалъ все и потомъ долго хохоталъ дикимъ, неестественнымъ смѣхомъ.

Левушка.

I.

Уже который день стояли на Бзурѣ въ холодныхъ окопахъ. Офицеры и солдаты скучали отъ бездѣйствія. Бывали правда мелкія дѣла и частичная лѣнивая перестрѣлка. „Онъ“ тоже притихъ и лишь изрѣдка посылалъ частичный гостинецъ ввидѣ тяжелаго „чемодана“, вырывающаго огромныя логовища въ землѣ, или баловался пулеметами. А то взрывались розоватыя облачка шрапнелей да трещали ружейные залпы. Но больше выжидательно молчали. Съ нашихъ позицій „его“ было хорошо видно, особенно изъ траншей пѣхотнаго полка, гдѣ служилъ Левушка.

Левъ Геннадіевичъ Струйскій, балагуръ какихъ мало, молодцевато носилъ свои подпоручичьи погоны и лихо заламливалъ на затылокъ мохнатую папаху, смѣнившую фуражку защитнаго цвѣта. Русокудрый, румяный, свѣжій и жизнерадостный, Левушка пришелъ на войну, какъ на праздникъ, и воспринималъ съ рѣдкой стойкостью всѣ ея жуткія впечатлѣнія. Его живые глаза горѣли воодушевленіемъ, крѣпкіе зубы сверкали въ улыбкѣ, да и ямочки на румяныхъ щекахъ, казалось, сіяли тоже, какъ глаза и зубы.

Левушка былъ любимцемъ семьи, солдатъ и однополчанъ-товарищей.

— Левушка—наше красное солнышко,—шептала старушка-мать, гладя, бывало, высохшей рукой румяныя щеки своего двадцатитрехлѣтняго любимца-сына.

— Левка — не братъ, а прелесть!—кричала хохотушка-сестра Катя, повисая у него на шеѣ, еще тамъ, дома, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ гостить въ Липки въ рѣдкіе дни отпуска.

— Славный нашъ Левушка,—говорила старшая Зоя, уже начинающая блекнуть дѣвушка.

И младшій братъ Вика, еще кадетъ, замѣчалъ важнымъ ломающимся кадетскимъ басомъ:

— У Льва счастливая судьба: всеобщій любимецъ и баловень. А все потому, что молодчинище.

— Что и говоритъ—бабушка наворожила! А вотъ я его терпѣть не могу. Зачѣмъ дразнится зачѣмъ изводитъ?

Это уже говорила сиротка Феничка, дочь бывшаго управляющаго, которую послѣ смерти ея отца пріютили въ семьѣ Струйскихъ.

Да, Левушка дѣйствительно дразнилъ милую маленькую Феничку съ черными глазками, съ маленькимъ, словно обиженнымъ ртомъ. Сначала, еще въ дѣтствѣ, онъ отнималъ игрушки и деспотически главенствовалъ въ играхъ, потомъ, когда подросли, смущалъ и изводилъ уже по-иному:

— А вѣдь Феничка влюблена. Мама, Зоя, Катя, посмотрите! Или вы не замѣчаете? Видите, какъ краснѣетъ она каждый разъ, что Картошкинъ входитъ въ комнату. Фи, Феничка! У васъ дурной

вкусъ. Право, дурной! Будете мадамъ Картошкина. Какой ужасъ!

Картошкинъ былъ худой, длинный управляющій Липокъ, небольшого имѣньица Струйскихъ, лежавшаго близъ Луги, безнадежно и упорно влюбленный въ Феничку.

Она искренне злилась на насмѣшки Левушки и чуть не плакала отъ досады.

Милая Феничка! Что-то она теперь? Что сестры, Зоя и Катя, и мамочка, проливавшая безконечныя слезы предъ отъѣздомъ Левушки на войну.

II.

Было студеное январьское утро. Въ окопахъ разводили маленькіе костры и грѣлись вокругъ нихъ, какъ могли. Говорили о томъ, что у „него“, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ по ту сторону заледенѣвшей рѣки, куда лучше; будто въ „его“ окопахъ, ровно въ горницахъ, убрано: и ковры, накраденные въ фольваркахъ у окрестныхъ помѣщикахъ, и чуть ли не піанино, добытое тѣмъ же путемъ. Впрочемъ, говорила больше молодежь, а старые солдаты усмѣхались скептически:

— Ишь, выдумываютъ тоже!.. Подико-сь, они корни древесные жуютъ—жрать имъ нечего, а вы—пьянины. Небось, пьянины-то въ головѣ у тебя, парень!

— Никакъ нѣтъ, дяденька, потому какъ никакихъ пьянинъ въ головахъ таперича имѣть не полагается. Всѣ какъ есть черезвые на подборъ,— бойко подъ общій хохотъ отшучивался молодой солдатикъ.

— А ну-ка, братцы, давайкась я поддразню „ево“!—обротился онъ къ товарищамъ и прежде нежели подоспѣвшій къ группѣ подпоручикъ Струйскій, могъ остановить храбреца. Солдатикъ пулей вылетѣлъ изъ окопа на низенькую насыпь. Здѣсь, приложивъ руки ко рту трубкою, онъ закричалъ, сильно напрягая голосъ:

— Эй, нѣмецъ-перецъ, колбаса! Какъ тебя? Гутенъ моргенъ! Ступай къ намъ, коли живъ еще, чай пить въ окопъ.

— Въ о-о-о-копъ!—повторило вдоль берега эхо.

На непріятельскихъ позиціяхъ видимо разслышали, зашевелились. Откуда-то изъ земли показались сначала головы въ каскахъ, а потомъ и дула винтовокъ.

— Назадъ, Семирякинъ, назадъ!—скомандовалъ Левушка.

Но солдатъ, прежде чѣмъ снова спрыгнуть въ окопъ, низко поклонился въ „его“ сторону въ отвѣтъ на потрещавшіе выстрѣлы.

— Ишь, тварь неблагодарная, колбаса протухлая! Его честь-честью добрые люди приглашаютъ, а онъ замѣсто спасибо ишь тебя чѣмъ... Ну, постой же ты! — и, схвативъ первую попавшуюся винтовку, Семирякинъ выстрѣлилъ.

* * *

— Господа, поздравляю: дождались дѣла. Нашему батальону выпала честь первому пробраться за темнотою къ тѣмъ восточнымъ окопамъ и взять ихъ, во что бы то ни стало, въ нынѣшнюю ночь,—

произнесъ маленькій плотный батальонный командиръ, обращаясь къ офицерамъ своей части.

— Ночь повидимому будетъ благопріятная, безлунная... Только бы ихъ проклятые прожекторы не подгадили дѣло!—и капитанъ Рагужинъ, ротное начальство Левушки, обвелъ большими близорукими глазами небо.

— Господа, я предлагаю желающимъ отправиться съ наступленіемъ темноты въ секретъ, снять непріятельскихъ часовыхъ и подать сигналъ въ удобный моментъ къ аттакѣ,—снова проговорилъ батальонный.

— Я... разрѣшите мнѣ!—вырвалось такъ непосредственно у Левушки, что самъ онъ сконфузился, а окружающіе его товарищи невольно разсмѣялись.

Молодой офицеръ не разъ уже исполнялъ порученія начальства и всегда успѣшно. Глядя въ это молодое лицо, какъ-то вѣрилось въ благоволеніе къ нему судьбы, въ его счастливую звѣзду.

— Но позвольте, господа, и другіе бы не прочь и я, и Лаврицовъ, и Никольскій,—произнесъ Черемицынъ, другъ и пріятель Левушки, которому не менѣе Струйскаго хотѣлось попасть въ опасное ночное предпріятіе.

— Прекрасно, прекрасно! И вы, вы и Струйскій... Ступайте съ Богомъ и сигнализируйте, когда будетъ все кончено съ карауломъ. А теперь пожалуйте сюда! Вотъ вашъ надлежащій путь по плану,— и, развернувъ на спинѣ ближайшаго къ нему сол-

дата карту, батальонный сталъ водить по ней карандашомъ.

Левушка и Черемицынъ слѣдили за движеніемъ его зоркими, внимательными глазами.

Потомъ, когда ушелъ батальонный, до самаго наступленія сумерекъ Левушка писалъ письмо въ окопѣ на своей походной постели. Когда Черемицынъ позвалъ его пить чай съ сухими черными походными сухарями, Левушка взглянулъ на него большими глазами и заговорилъ тихо чуть слышно:

— Вотъ, Ваня, если того... если убьютъ, отвезешь въ Липки, съ образкомъ вмѣстѣ, которымъ мать благословила. И письмо, и мои трофеи. Катѣ я обѣщалъ нѣмецкую каску. У Тарасова, моего денщика, возьмешь ту, которую я добылъ въ послѣднемъ бою съ головы убитаго мною офицера. Ты знаешь... Отвезешь все самъ въ Липки, если меня того... Понимаешь?

Но Черемицынъ только махнулъ рукой на эти слова.

— Вздоръ болтаешь, Левушка! Жить тебѣ да радоваться, а ты... Глупый ты, глупый, Левка! И меня только зря предъ дѣломъ разстроилъ, да и себя не радуешь!—и онъ дружески хлопнулъ товарища по плечу.

— Нѣтъ, а ты все-таки дай слово, что исполнишь,—настаивалъ Струйскій, и строго было сейчасъ его обычно веселое лицо.

— Тьфу ты! Да что же ты меня на медленномъ огнѣ поджаривать хочешь? Ну, да ладно, сдѣлаю, что хочешь, на Марсъ, на Большую Медвѣдицу, на чертовы рога съѣзжу, только отвяжись отъ меня,

ради Бога!—вышелъ изъ себя окончательно Черемицынъ, и спохватился черезъ минуту: — Но вѣдь и меня убить могутъ: и я съ тобою въ одно „дѣло“ иду. Можетъ быть, меня пораньше тебя пристукнутъ...

— Не пристукнутъ! — увѣренно сорвалось съ губъ Левушки, и онъ уже снова весело улыбнулся.—Не пристукнутъ,—еще увѣреннѣе повторилъ онъ и вдругъ запѣлъ свою любимую арію:

„Торреодоръ смѣ-лѣ-ѣ-ѣе въ бой!“

— Въ бо-о-ой!—гдѣ-то протяжно и жутко протянуло эхо.

III.

Шли въ темнотѣ, крадучись, бокъ къ боку, чуть ли не затая дыханіе, нога къ ногѣ. Иногда только зловѣщій шепотъ фельдфебеля Курицына третьей роты своеобразно подбодрялъ неловкихъ, отставшихъ, споткнувшихся или зацѣпившихъ штыкомъ за штыкъ сосѣда.

— Ты это што?—тутъ шло краткое, но внушительное порицаніе, нецензурнаго свойства.—Ты это какъ же?—и опять слѣдовалъ нелестный, но тѣмъ не менѣе внушительный отзывъ о степени виновности провинившагося.

И снова крались неслышно, безшумно.

Отойдя нѣсколько десятковъ шаговъ отъ своихъ окоповъ, легли на покрытую снѣгомъ землю и поползли къ рѣкѣ. Сѣрая группа людей казалась причудливо-фантастической, двигаясь по бѣлой скатерти снѣжной равнины. Левушка былъ какъ всегда впереди о бокъ съ толстенькимъ капита-

номъ Книжинымъ, а мысли его все время кружились вокругъ написаннаго нынче домой письма.

Письмо должно было дойти по назначенію въ томъ только случаѣ, если его убьютъ. И тогда-то, что онъ носилъ въ сердцѣ всѣ эти годы, узнаютъ всѣ домашніе. Тайна его души раскроется, какъ цвѣтокъ по утру. Если же онъ останется живъ, то попрежнему то свѣтлое и теплое будетъ скрыто въ сокровенныхъ глубинахъ его мододого существа, и все останется постарому.

И, думая это, все ползъ вмѣстѣ со своей ротой.

Проползли уже часть поля. Теперь уже были совсѣмъ близко непріятельскія траншеи. Кое гдѣ мелькали слабые, словно задернутые чѣмъ-то, огни.

Какъ одинъ человѣкъ, залегли безъ движенія люди отряда, почти слившись съ бѣлою запущенной снѣгомъ землей.

Левушка, Черемицынъ и нѣсколько солдатъ отдѣлились отъ нихъ, поползли въ темнотѣ уже одни, въ сторону отъ отряда.

Затемнѣло что-то вблизи. При слабомъ отблескѣ прикрытыхъ фонарей уже можно было разглядѣть сѣрыя фигуры маячившихъ вдоль насыпи караульныхъ.

Подползли, подобрались къ самому валу, вскочили на ноги, и, каждый нацѣливъ себѣ по одной непріятельской фигурѣ, стремительно и все такъ же беззвучно бросились на постовыхъ.

Въ тотъ же мигъ свѣтъ непріятельскаго прожектора охватилъ все ближнее и далекое, всю мѣстность; и пронзительный крикъ филина нарушилъ

одновременно съ нимъ сонную тишину ночи. То Левушка сигнализировалъ начало аттаки отряду, ожидавшему его сигнала.

Непріятельскіе окопы ожили. Тяжело ухнула пушка, за нею другая, третья. Жутко заговорили баттареи, затрещалъ пулеметъ. Визжа, звеня и жужжа полетѣли пули. Трескъ ружейныхъ залповъ слился съ громомъ тяжелыхъ орудій и потонулъ, растаялъ въ немъ.

Со стороны рѣки бѣжалъ отрядъ нашей пѣхоты. Побѣдоносно и грозно звучало „ура". Стрѣлки спѣшили по крику филина брать непріятельскія траншеи.

— Сдавайтесь! — рѣзко крикнулъ нѣмецкій пѣхотный офицеръ, направляя въ грудь Левушки конецъ сабли.

Струйскій, окруженный непріятельскими солдатами, отчаянно рубился на валу траншеи. Онъ вбѣжалъ сюда съ саблей наголо въ одной и револьверомъ въ другой рукѣ, вбѣжалъ первымъ въ непріятельскіе окопы. Другіе охотники кончали въ это время свое дѣло съ карауломъ поста.

— Сдавайтесь! Вы — плѣнный, — прозвучалъ у уха Левушки другой голосъ, и тонкое лезвее сабли зловѣще блеснуло предъ его лицомъ.

Въ отвѣтъ Левушка поднялъ руку съ револьверомъ и выстрѣлилъ въ офицера.

— Русскіе добровольно въ плѣнъ не сдаются,— хрипло выкрикнулъ онъ и упалъ въ тотъ же мигъ, пронизанный штыкомъ нѣмецкаго солдата.

IV.

Красиво убрала зима въ этомъ году природу. Завороженными принцессами заколдованнаго царства стоятъ подъ снѣжною фатою, деревья въ лѣсу, а въ Липкахъ, сплошь заросшихъ старымъ лиственнымъ лѣсомъ, и совсѣмъ красиво.

— Точь въ точь на открыткахъ, — говоритъ Феничка, прищуренными, какъ у ласковой кошечки, глазами, оглядывая бѣлыя деревья, бѣлые сугробы, бѣлую природу.

Лучшее и болѣе удобное сравненіе она и подыскать не можетъ.

А вечеромъ окружающій старый деревянный домъ усадьбы, садъ—настоящая феерія. Луна медленно выплываетъ изъ-за облака, царственно прекрасная въ своемъ голубоватомъ ореолѣ, томно обливаетъ своей лаской садъ и словно тихо радуется чему-то. Плѣнительной сказкой изъ другого—лучшаго—міра кажутся бѣлыя, всѣ словно въ лебяжьемъ пуху, деревья. Вотъ-вотъ, чудится, изъ фантастическаго замка садовой чащи выглянетъ сказочная снѣгурка и запляшетъ среди сугробовъ.

Феничкѣ хочется почему-то плакать въ такія лунныя зимнія ночи или говорить о безконечно длинной и прекрасной любви, которая бываетъ развѣ только въ сказкахъ или гдѣ-то далеко отъ этихъ Липокъ, гдѣ она ведетъ домашнее хозяйство въ усадьбѣ Струйскихъ, гдѣ за нею нелѣпо и наивно ухаживаетъ Валерьянъ Картошкинъ, — управляющій-конторщикъ изъ гимназистовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ прогнанный за нерадѣніе въ наукахъ, но его любовь смѣшна и трогательна, и Фе-

ничка почти уже дала ему слово стать его женой. Все-таки онъ—управляющій, получаетъ семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ и столѣ. Какъ-никакъ, а это—для нея, бѣдной сироты-невѣсты, завидная партія.

Недаромъ напророчилъ ей Левушка...

Левушка!..

При одномъ этомъ имени въ сердцѣ вспыхиваетъ что-то горячее и красивое.

Левушка, дразнящій, насмѣшливый, веселый... „Мадамъ Картошкина“ и арія торреодора... Всѣ его рѣчи, всѣ до единой запомнила Феничка. И сердилъ онъ ее, и мучилъ, а все же мечтала о немъ она длинными волшебными ночами, орошая слезами горячую подушку.

„Левушка“... О немъ дерзала она мечтать, о немъ, созданномъ для какой нибудь принцессы.

* *
*

Тепло и уютно въ столовой. Чай уже отпили. Феничка бѣленькими нѣжными ручками перетираетъ чашки, старушка Струйская раскладываетъ пасьянсъ, заученный ею еще въ дни молодости и называющійся такъ волнующе странно—поцѣлуемъ. Катя, запустивъ въ кудрявые короткіе волосы обѣ руки, жадно читаетъ книгу. Въ восемнадцать лѣтъ она—еще совсѣмъ ребенокъ и похожа на Левушку, какъ двѣ капли воды. Хорошенькое личико Фенички то и дѣло обращается въ сторону младшей Струйской. Когда нѣтъ брата, поневолѣ остается любоваться его „образомъ и подобіемъ“—младшей сестрой. И тихая грусть разлуки волнуетъ сердце Фенички.

Хоть бы на часъ, хоть бы на мигъ повидать его! Пусть дразнитъ, пусть смѣется, пусть шутитъ—она не обидится, не разсердится теперь, нѣтъ... На него сердиться? На Левушку? А вѣдь осмѣливалась раньше—на королевича своего—она, тупое ничтожество, замарашка! Теперь, кого онъ полюбитъ, того и она любить будетъ: Невѣсту даже Левушкину, его жену. И не будетъ въ ней ревности ни капли. Принцъ и Замарашка. Развѣ она осмѣлилась бы мечтать о себѣ рядомъ, объ руку съ нимъ? Завтра базаръ въ Лугѣ. Она поѣдетъ туда за провизіей съ Картошкинымъ. Опять онъ заговоритъ о свадьбѣ. Надо кончить этотъ вопросъ поскорѣй, надо убить безполезныя грезы. Картошкинъ хорошій, добрый и любить ее будетъ вѣчно. Свой человѣкъ, ей по плечу, не принцъ, не сказочный королевичъ, не Левушка.

Изъ сосѣдней комнаты тихо плывутъ нѣжные, рыдающіе аккорды. Играетъ Зоя. Сама, такая нѣжная, блѣдная, увядающая. Бывшая институтка. Бывшая мечтательница. Теперь уже не грезитъ, какъ прежде, подъ тридцать лѣтъ. Молча и покорно уступаетъ дорогу другимъ, въ лицѣ Кати—юной сестры—счастливой молодости. А душа не хочетъ стариться. И мечта тоже. И надрывно рыдаютъ обѣ въ пѣвучихъ аккордахъ Шопена.

* * *

— Кажется, звонятъ?

— Письмо отъ Левушки? Можетъ быть, телеграмма?

— Можетъ быть, онъ самъ? На Бзурѣ сейчасъ затишье. Очень возможно, что его и отпустили?

Катя вскакиваетъ первая. Книга летитъ подъ столъ. Туда же слѣдуетъ и выскользнувшее изъ рукъ Фенички чайное блюдце.

Старушка Струйская роняетъ карты и мертвенно блѣднѣетъ ея морщинистое лицо. И звуки Шопена сразу смолкаютъ въ залѣ. Уже стремительно пронеслась, какъ буря, въ прихожую Катя.

— Левушка!—призывно и радостно доносится изъ сѣней ея взволнованный крикъ.

И она втаскиваетъ въ гостиную кого-то, запушеннаго снѣгомъ, закутаннаго въ башлыкъ и полушубокъ. Изъ-подъ башлыка бѣлѣетъ на лбу повязка, наложенная черезъ всю голову, и правая рука на привязи, въ то время какъ лѣвая подаетъ конвертъ.

Незнакомые усталые глаза глядятъ смущенно, точно моля о прощеніи, а голосъ, тоже словно извиняющійся, говоритъ, срываясь на каждомъ словѣ:

— Виноватъ... вы обознались. Это не Левушка, не подпоручикъ Струйскій. Но я отъ него. Письмо и посылка—нѣмецкая каска для младшей сестрицы... Екатерины Геннадіевны... И другія вещи его...

— А онъ самъ гдѣ же? Здоровъ? Не раненъ?—слышится пытливый, мучительно волнующій вопросъ.

Офицеръ молчитъ.

— Но вы сами ранены, кажется? Вы устали? Сядьте!—и Зоя, первая придя въ себя отъ обманутаго ожиданія, подвигаетъ гостю кресло.

— Сядьте пожалуйста,—вторитъ ей дрожащій старческій голосъ.

У раненаго, измученнаго дорогой Черемишына не хватаетъ духа занести молотъ для удара надъ этой сѣдой головой, нѣтъ силъ открыть обступившимъ его тремъ дѣвушкамъ жуткую истину о гибели Левушки. Какъ онъ скажетъ имъ это сейчасъ? Какъ скажетъ о томъ, что его уже нѣтъ больше на свѣтѣ, ихъ дорогого Левушки, что покоится его тѣло у берега Бзуры, въ общей братской могилѣ. Онъ самъ, несмотря на рану, прежде чѣмъ ѣхать къ себѣ домой, помчался сюда, давъ крюка въ сторону, чтобы опередить газетныя извѣстія. Очевидно онъ не опоздалъ, очевидно тутъ еще ничего не знаютъ. Господи, будь милосерденъ къ нимъ!

— Письмо отъ Левушки,—говоритъ онъ и рѣшительно протягиваетъ конвертъ.

Дрожащія руки схватываютъ его.

— Очки... мои очки, Зоюшка!—слышится взволнованный шепотъ.

О гостѣ, забыли какъ будто. Почти бѣгомъ бѣгутъ въ столовую, окружаютъ столъ и маленькую старушку съ бѣлымъ конвертикомъ въ трепетныхъ пальцахъ.

— Дайте мнѣ я прочту, мама,—рѣшительно говоритъ Катя и энергично беретъ изъ рукъ матери письмо.

* * *

„Милыя мои, родныя мои. Любимая моя мамочка, Зоя и Катя. Я былъ сквернымъ сыномъ и

дурнымъ братомъ. Я мало до сихъ поръ заботился о васъ, — писалъ своимъ характернымъ почеркомъ Левушка, — но это не мѣшало мнѣ искренне нѣжно любить васъ. Я всегда чувствовалъ вашу горькую, полную заботъ жизнь, родная мамуся, только не умѣлъ выразить этого вамъ. Я всегда казался легкомысленнымъ, веселымъ, черезчуръ жизнерадостнымъ, а между тѣмъ и неурядицы въ нашихъ матеріальныхъ дѣлахъ и невозможность привести ихъ въ порядокъ всегда волновали меня. Сильно мучили и то, что молодость милой нашей Зои проходитъ въ глуши, безъ радостей, безъ цвѣтовъ жизни, и страхъ за Катюшу: неужели и ей грозитъ то же? Я былъ всегда безсиленъ помочь этому, и это мучило и терзало меня. Особенно теперь, съ начала компаніи, я много передумалъ о васъ на передовыхъ позиціяхъ. Близкая опасность смерти облагораживаетъ, возвышаетъ душу; глубже чувствуешь то, на что прежде не обратилъ бы особеннаго вниманія. И вотъ теперь, подъ непріятельскими пулями и шрапнелью, на шагъ отъ смерти хочется сказать вамъ еще разъ, что люблю васъ всѣхъ безконечно, горячо, какъ самое дорогое въ мірѣ послѣ Царя и родины. И еще скажу о томъ, о чемъ говорить до сихъ поръ не довоодилось. Люблю Феничку и всегда любилъ. Сначала только по-дѣтски, потомъ иначе, какъ милую далекую невѣсту, какъ... Но довольно объ этомъ — все равно поздно, а, что надо понять дорогимъ, близкимъ, поймутъ съ двухъ словъ. Прощайте, родныя!.. Всегда, всегда, что бы ни случилось, буду всей душой съ вами.

Благословите, родная мама, вашего Левушку, какъ и онъ благословилъ васъ всѣхъ. Л. С.“.

— Что это?—и Катя съ остановившимися глазами и совсѣмъ бѣлымъ лицомъ взглянула на мать.—Ма-мочка! протянула она по-дѣтски жалобно и всхлипнула, какъ ребенокъ.

Но старуха-мать все еще не понимала, не догадывалась о страшной истинѣ. Было похоже, какъ будто она удивлялась письму и радовалась волнующей материнской радостью: и тому, что такъ разоткровенничался Левушка, и тому, что любитъ Феничку, а такъ долго скрывалъ отъ нея, любитъ ту, къ которой сама она привязалась, какъ къ родной дочкѣ. И не замѣчаетъ старушка за этой радостью смертельной тревоги въ глазахъ трехъ дѣвушекъ, окружающихъ ее.

Тогда Зоя незамѣтно выскользнула изъ столовой. Въ гостиной, понурясь въ креслѣ, чуть живой отъ усталости, сидѣлъ раненый офицеръ.

— Что съ Левушкой? Гдѣ нашъ Левушка? — бросилась къ нему Зоя, чуть двигая побѣлѣвшими губами.

Усталые глаза вскинулись на нее. Слабо дрогнули губы, и до ушей дѣвушки долетѣло одно только слово, зловѣщее слово:

— Убитъ.

V.

А на-утро Феничка съ измятымъ отъ слезъ и безсонной ночи лицомъ ѣхала вмѣстѣ съ Картошкинымъ въ лужскую церковь заказывать обѣдню за упокой души Левушки.

Новый міръ остался теперь за спиной дѣвушки: то, что пережила, перенесла она въ одинъ мигъ, жгучую радость сознанія раздѣленной любви и горе, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ сокрушившее, перевернувшее все ея существо.

Левушка любилъ ее давно, какъ невѣсту любилъ и умеръ... и умеръ. Убили его... убили, ея героя, ея королевича, ея Левушку. И отъ сознанія того, что было возможно и близко навѣки исчезнувшее счастье, еще ужаснѣе казалось горе.

Нынче по утру пришли газеты и принесли роковое извѣстіе. Въ спискѣ убитыхъ находилась фамилія Левушки и она же была повторена въ спискѣ награжденныхъ посмертнымъ Георгіевскимъ крестомъ. Тамъ же было и описаніе подвига этого героя, отдавшаго жизнь за родину.

И послѣ этого жить прежнею жизнью, ждать свадьбы съ Картошкинымъ? Принимать его поцѣлуи послѣ того, какъ Левушки уже нѣтъ, послѣ того какъ она знаетъ о любви его къ ней, его—героя? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Блѣдно и значительно было лицо дѣвушки, когда она послѣ долгаго молчанія обратилась къ своему спутнику, правившему лошадью:

— Вы меня простите, Валерьянъ Петровичъ, а женою вашею я не буду никогда,—произнесла она тихо, тихо, и какъ раненый на смерть грозою цвѣтокъ, поникла головкой.

Дѣвушка съ кружкой.

Высокая, тонкая, съ чуть тронутыми тушью вѣками, актриса Нельская сказала Манѣ:

— Не хотите ли помочь доброму дѣлу, дѣтка, участвовать въ кружечномъ сборѣ въ пользу семей запасныхъ? Возьмите кружку, захватите двухъ ассистентовъ и ступайте съ Богомъ прелесть моя; и дѣтямъ нашихъ героевъ— помощь, и вамъ занятно.

Маня взглянула влюбленными глазами въ тонкое смуглое лицо Нельской, въ ея бархатные, играющіе глаза и, краснѣя до слезъ отъ восторга и смущенія, поспѣшила выразить свое согласіе.

– Хорошо, Кира Павловна, я постараюсь, только...

— Безъ только... дѣтка, безъ только. Да будетъ такъ. Теперь я вполнѣ спокойна. Съ вашимъ трогательнымъ личикомъ и глазами Мадонны вы одна намъ цѣлое состояніе соберете. А теперь, пока до свиданія. Спѣшу на репетицію безумно. А оттуда въ лазаретъ. Занята адово. И, звучно поцѣловавъ воздухъ у блѣднаго виска Мани, очаровательная Кира Павловна, пріятно шелестя шелками, испарилась какъ дымъ за тяжелой портьерой. Ошеломленная, счастливая и сконфуженная Маня смотрѣла ей вслѣдъ своими огромными прекрасными глазами Мадонны.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ Маня пріѣхала изъ провинціи и посѣщаетъ драматическіе курсы. И съ перваго же дня своего водворенія въ Петроградѣ она трогательно и нѣжно влюблена въ премьершу частнаго театра Киру Павловну Нельскую. Это какая-то особенная, какая то исключительная, наивная привязанность. Да и сама Маня кажется такой исключительно-трогательной и наивной съ ея широкими бархатными глазами Мадонны и съ тонкимъ, совсѣмъ дѣтскимъ, голоскомъ.

— Свирѣльная Маня!—опредѣлилъ ее какъ-то студентъ-путеецъ Сержъ Глушевъ, прозванный въ свою очередь всѣмъ Маниным кружкомъ „перомъ Англіи“. Въ Кирѣ Павловнѣ же Манѣ нравится все: и недюжинный талантъ, и эти грѣшныя вѣки, и пунцовыя страстныя губы, и змѣиная походка, и даже самый голосъ ея, ставившійся въ вину актрисѣ критикой, носовой, словно всегда простуженный голосъ...

И Когда Маня, замирая отъ восторга, стоитъ въ кулисахъ, жадно ловя каждое слово Нельской, брошенное со сцены,—ей кажется, что гдѣ то высоко-высоко поетъ смуглый ангелъ, тоскуя на небѣ о грѣшныхъ радостяхъ земли.

Сначала все шло прекрасно.

Правда, было холодно. И съ утра снѣжило. Ильковый воротникъ Сержа Глушева запудрило инеемъ, и его бритое, холеное безстрастное лицо, типичное лицо англичанина, — хотя въ жилахъ

Сержа не было ни единой капли британской крови,—зарумянилось свѣжимъ молодымъ неровнымъ румянцемъ. И маленькій носикъ второго ассистента Шуры Никольскаго, универсанта, добросовѣстно дрогнувшаго въ его ветхомъ форменномъ пальтишкѣ, покраснѣлъ на морозѣ какъ клюква.

Оба ассистента, и „пэръ Англіи“ и Шура, старались быть корректными и менѣе чѣмъ когда либо смотрѣли волками другъ на друга. Оба ассистента были безнадежно влюблены въ Маню Соболеву и ревниво слѣдили другъ за другомъ, оспаривая одинъ у другого тѣ крохи невиннаго вниманія, которымъ изрѣдка баловала ихъ Маня. А нынче какъ нарочно она, эта Маня, на взглядъ обоихъ ея „рыцарей“ была обворожительна. Бѣлая вязаная шапочка сидѣла легко, какъ пушинка на темной головкѣ. Блѣдныя съ тонкими голубыми жилками щеки разгорѣлись. Разгорѣлись и огромные, бархатные, глаза Мадонны.

А свирѣльный голосъ звонко пѣвуче приговаривалъ каждыя три-четыре минуты по адресу публики:

— Дѣтямъ и женамъ нашихъ героевъ. Семействамъ запасныхъ пожертвуйте, господа. Кто сколько можетъ, пожертвуйте.

И бархатные глаза и свирѣльный голосъ дѣлали свое дѣло. Хорошенькая дѣвушка съ голубымъ щитомъ, сплошь уколотымъ алыми значками съ коронками, то и дѣло откалывала отъ щита значокъ и пришпиливала его къ груди жертвующаго. А въ кружку, которую самоотверженно таскалъ черезъ плечо Шура Никольскій, падали се-

ребряныя и мѣдныя монеты, изрѣдка рубли и пестрыя бумажки ассигнаціи.

Глаза Мадонны улыбались. И невинныя губки тоже И рдѣло алымъ румянцемъ обычно блѣдное Манино лицо.

— „Бобры“ показались на горизонтѣ! Смѣлѣе, Марья Дмитріевна,—успѣлъ шепнуть Шура и для чего то ухарски тряхнулъ кружкой. Монеты тяжело звякнули, а свирѣльный голосъ снова пропѣлъ:

— Дѣтямъ нашихъ героевъ! Семьямъ запасныхъ... Господа, пожертвуйте!

„Бобры“ остановились. Высокій, плотный господинъ съ изжитымъ лицомъ дегенерата, съ чувственными губами и тяжелыми полуопущенными вѣками. Взглядомъ знатока, цѣнителя женской красоты, онъ окинулъ фигурку Мани.

— Хорошенькая. И очень!.. Весьма мила. Свѣженькая, главное, и поужинать съ такою весьма недурно, говорилъ этотъ аспидъ.—И, вызвавъ на свои губы улыбку неотразимую, по его мнѣнію, по адресу женщинъ, онъ подставилъ дѣвушкѣ свою широкую грудь, слѣдя за движеніями тоненькихъ пальчиковъ пресыщенными усталыми глазами вырожденца. Значекъ наколотъ. „Бобры“ приподнимаютъ изысканнымъ жестомъ шляпу и опускаютъ розовую десятирублевку въ „кассу“ Шуры. Потомъ незнакомый господинъ долго стоитъ на мѣстѣ и немигающимъ тяжелымъ взоромъ слѣдитъ за удаляющейся изящной хрупкой фигуркой дѣвушки.

— Десятинушку отвалилъ отъ избытка чувствъ,— съ шутовской ужимкой шепчетъ Шура, какъ только „бобры“ остаются позади сборщиковъ.

Онъ любитъ опрощаться, Шура. И иногда бравируетъ „словечками“.

„Пэръ Англіи“ при этомъ морщится какъ отъ боли.

— Мой дорогой, не будьте же такъ вульгарны. Согласитесь, это вноситъ нѣкоторый диссонансъ въ аккордъ присутствія Маріи Ди...

— Ахъ, подите вы съ вашими аккордами. Слушать тошно. Марья Димитріевна прежде всего не кисея какая нибудь и не слякотъ, а сознательная, умная, передовая женщина... И съ нею стѣсняться не приходится.

— Да.

— Но и распускаться тоже не резонъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, Шура, вы стали съ нѣкоторыхъ поръ удивительно вульгарны. Не хорошо—вставляетъ свое замѣчаніе и Маня.

А сама думаетъ въ это время:

„Какое удивительное лицо. Вѣроятно актеръ или присяжный повѣренный. И какіе глаза у него тяжелые, усталые и манящіе. Интересное лицо. Но какъ странно онъ посмотрѣлъ на меня. А вдругъ идетъ съ нами и слушаетъ, и все слышитъ. И Шурины невозможныя словечки и эти скучныя отповѣди „пэра Англіи“. Несносно, несносно.

И пользуясь тѣмъ, что ея ассиситенты атаковали какую то смѣющуюся эксцентричную барыньку, Маня обернулась.

„Бобры“ дѣйствительно, шли за ними. И тяжелый, усталый и въ то же время непонятно влекущій взглядъ не отрываясь глядѣлъ ей въ спину.

. . . . . .

Рѣшили зайти погрѣться въ булочную Андреева. Предложила Маня. И нарочно говорила громко, чтобы тотъ, преслѣдующій, услышалъ ее.

Теперь она уже не сомнѣвалась, что онъ опередитъ ихъ, войдетъ въ кофейную и займетъ столикъ, чтобы еще разъ увидѣть ее тамъ при яркомъ электрическомъ свѣтѣ. И какъ ни странно, ей какъ будто даже хотѣлось этого. Такъ оно и вышло. Пока всѣ трое стояли и совѣщались и спорили, онъ обогналъ ихъ и вошелъ въ кафе. Даже Шура замѣтилъ его. И „пэръ Англіи“ тоже.

— Это еще что за типъ?—пробурчалъ себѣ подъ носъ послѣдній, движеніемъ истиннаго денди шикарно вбрасывая въ глазъ стеклышко А Шура съ ненавистью взглянулъ „бобрамъ“ вслѣдъ и бросилъ грубо, по-мужичьи:

— Если пристанетъ къ вамъ эта дрянь, Маничка, вы мнѣ шепните... Ноги обломаю.

У Андреева было тепло и уютно. Сразу охватила пріятная атмосфера довольства и дѣловитой суетливости. Выпили по стакану кофе, уничтожили около десятка сладкихъ пирожковъ и накололи щитъ новыми значками. Потомъ стали ходить вокругъ столиковъ.

Маня не ошиблась. Незнакомецъ былъ здѣсь. Онъ сидѣлъ за крайнимъ столомъ, ближайшимъ къ двери. А его усталые глаза все слѣдили не отрываясь изъ подъ низко опущенныхъ вѣкъ за нею. И почему то глаза Мадонны постоянно обращались въ ту сторону, въ то время, какъ сама Маня мысленно негодовала и злилась на себя:

„Вѣдь она, Маня, считается хорошенькой. У нея есть поклонники... Ею увлекаются. Она избалована вниманіемъ мужчинъ. Не далеко ходить: „пэръ Англіи“ два раза уже дѣлалъ предложеніе. Онъ недуренъ собою, молодъ, и ко всему еще сынъ богатаго лѣсопромышленника. И Шура Никольскій тоже влюбленъ, бѣднякъ, по уши... Да и не только эти, многіе другіе. И вызывать восторгъ, вниманіе къ себѣ мужчинъ для нея, Манички, не новость. Такъ почему же вглядъ этого страннаго, настойчиваго человѣка, волнуетъ ее, зажигая любопытствомъ?

Выходя изъ кафе на улицу и поравнявшись съ „его“ столикомъ, Маня вздрагиваетъ отъ неожиданности.

Въ ея опущенной вмѣстѣ съ муфтою рукѣ — записка. Ну да, записка. Маленькій клочекъ бумажки... она чувствуетъ его прекрасно и конвульсивно зажимаетъ въ пальцахъ, въ то же время робко оглядываясь назадъ. Замѣтили или нѣтъ ея ассистенты? Но „ассистенты“ повидимому не видѣли ничего. Слава Богу. Они и безъ того уже все время ждали случая придраться къ „бобрамъ“; а у „пэра Англіи“ его выпуклые глаза и такъ уже прозрачны

отъ скрытой злости; Шура-же Никольскій смотритъ чортомъ, какъ никогда. Маленькое сердце бьется... Шибко бьется, колотится въ груди... Любопытство Мани раззожено до крайности. Ей дѣлается физически пріятенъ этотъ страхъ передъ исключительно новой по впечатлѣнію минутой. Теперь остается только, во чтобы то ни стало, отдѣлаться отъ ассистентовъ. Смотритъ на обоихъ съ извиняющейся полуулыбкой и поетъ свирельнымъ голоскомъ:

— Мнѣ холодно. И я устала. Больше ходить не могу. На сегодня довольно. Завтра заходите оба послѣ лекцій, начнемъ съизнова. А пока прощайте.

Передаетъ щитъ „пэру“ и невозмутимо садится на подозваннаго извозчика.

Ассистенты смотрятъ растерянно. Шура жметъ и встряхиваетъ ей руку съ такою силой, какъ будто хочетъ ее оторвать. А Сержъ улыбается странной, все понимающей, улыбкой.

О, этотъ „пэръ Англіи“, онъ—претонкій.

Въ запискѣ стоятъ не совсѣмъ по обычному набросанныя строки: „Дѣвушка съ кружкой“. Вы взялись за доброе дѣло, и это прекрасно. Но вы устали. Хотите, я облегчу вашу задачу? Я передамъ вамъ сто рублей въ пользу семей героевъ, если вы согласитесь поужинать со мною. Невскій №... Ресторанъ Х. Кабинетъ 10. Спросить Вадима Львовича. Въ 11 вечера и непремѣнно сегодня.

Маня смотритъ на твердымъ англійскимъ почеркомъ набросанныя буквы и удивляется самой себѣ. Она нисколько не обижена. Ничуть не оскорблена. Въ другое бы время, при иныхъ обстоятельствахъ, ея молодая душа возмутилась бы, но не теперь, нѣтъ, нѣтъ... Удивительно, какъ все это вышло. Оригинально и тонко. Тонко и забавно. И позорнаго здѣсь нѣтъ ничего. Говорятъ, какая то знаменитая американка продала не только свой ужинъ, но и свой поцѣлуй въ пользу голодающихъ. А сама Кира Павловна, сама очаровательная Нельская, не разсказывала ли она ей, Манѣ, что какъ-то на благотворительномъ базарѣ, за данное ею право пригубить изъ своего бокала, она тоже получила радужную бумажку?

И къ тому же „бобры“, положительно, интересуютъ ее, Маню, какъ типъ.

Конечно, со стороны общественнаго мнѣнія это будетъ не вполнѣ прилично. Но что такое общественное мнѣніе, собственно говоря? Кто съ нимъ считается въ нынѣшнее время? И кто, наконецъ, узнаетъ о ея, Маниномъ, поступкѣ? Да и какой такой особенный поступокъ—поужинать съ незнакомымъ, крайне интереснымъ господиномъ? Она къ тому же, Маня, свободна, наконецъ. И отчета никому давать не обязана. И на этой мысли она рѣшила.

Къ десяти вечера Невскій преобразился, утративъ свою обычную дневную физіономію. Закрылись магазины. Погасло электричество въ витри-

нахъ, и широкая улица пріобрѣла сразу какой-то таинственно-недосказанный видъ.

Суетливо скользящія фигуры женщинъ, спецефической походкой измѣряли длинные скучные тротуары.

Когда Маня подъѣхала къ ярко-освѣщенному подъѣзду ресторана, что-то болѣзненно зашевелилось въ сердцѣ. Не то страхъ, не то смущеніе. Въ ресторанахъ она бывала не разъ въ компаніи со своими коллегами съ тѣхъ поръ, какъ попала сюда въ столицу. То были скромныя пирушки на экономическихъ началахъ. Но объ отдѣльныхъ кабинетахъ, одинъ на одинъ съ мужчиной, знала по книгамъ и по наслышкѣ, изъ разговоровъ другихъ.

Нетвердымъ, потерявшимъ разомъ всю свою свирѣльность, голосомъ, колеблясь, спросила еще внизу Вадима Львовича.

Лакей татаринъ, съ безстрастнымъ типичнымъ лицомъ, провелъ ее въ кабинетъ.

Дрогнувъ невольно, постучала въ дверь и потянула ее къ себѣ послѣ коротенькаго:—Можно.

Первое, что бросилось въ глаза, большая тяжелая съ сильною лысиной барская голова... И идеально сшитый смокингъ поверхъ глубоко-вырѣзаннаго жилета. Ласкали взглядъ своимъ безукоризненно-изящнымъ видомъ выхоленныя руки съ брилліантовымъ перстнемъ на правомъ мизинцѣ.

Острый и тонкій, какъ дорогое вино, запахъ незнакомыхъ духовъ, смѣшанный съ запахомъ сигары, сразу немного закружилъ голову.

— Добро пожаловать. А я ужъ думалъ, что вы не придете.

Когда улыбался, обнажалъ широкіе бѣлые еще зубы, съ клыками, запломбированными золотомъ. „Золотая улыбка“,—почему-то вспомнила Маня, и про себя усмѣхнулась.

На столѣ уже стояла закуска. Зернистая икра, балыкъ, устрицы, омары подъ соусомъ, семга, майонезъ изъ дичи. Все очень вкусное и очень дорогое.

— Прошу,— пригласилъ Маню красивымъ закругленнымъ жестомъ ея новый знакомый послѣ того, какъ съ его помощью она сбросила шапочку и сдернула шубку.

— Адвокатъ. Навѣрное... Привыкъ картинничать,—по выраженію Шуры, рѣшила Маня, смущенно присаживаясь къ столу.

— А на диванѣ развѣ хуже?—засмѣялся гость, и сразу усталое барское лицо, съ глазами выродженца и плотоядной челестью, стало милымъ.

— Да, pardon, я едва не забылъ самаго существеннаго. Небрежнымъ жестомъ опустилъ руку въ жилетный карманъ и, вынувъ скомканную сторублевку, передалъ дѣвушкѣ.

— Благодарю за довѣріе... Разрѣшите?

Сперва разговоръ не клеился. Разсматривали меню... Совѣщались о блюдахъ. Со свойственной всѣмъ порядочнымъ женщинамъ корректною скромностью выискивала Маня все самое недорогое, и мило краснѣла, выбирая названія.

Вадимъ Львовичъ тонко улыбался, слѣдя изъ-подтишка за дѣвушкой. Чувственныя губы плото-

ядно вздрагивали. Онъ зналъ женщинъ какъ свои пять пальцевъ: и развратныхъ, и скромныхъ, и острыхъ, и безличныхъ, и искусно играющихъ, выдѣлывающихъ изъ себя что-то, и простенькихъ, непосредственныхъ, наивныхъ.

Но такой, какъ Маня онъ еще не встрѣчалъ. Съ перваго взгляда она поразила его своею нетронутостью, острой чистотой и правдивостью лица и взгляда. А тонкое, почти дѣтское нѣжное, съ голубыми жилками на вискахъ и щекахъ, личико, осѣненное глазами Мадонны, положительно нравилось ему, будя его притупленность, ударяя по нервамъ, заставляя загораться вновь давно уснувшую страстность.

Онъ смотрѣлъ съ явнымъ восхищеніемъ въ хорошенькое невинное личико, пока Маня съ удовольствіемъ ѣла свои любимыя пожарскія котлеты, отпивая изъ высокой стопки добытаго имъ Богъ вѣсть какими путями татариномъ шампанское.

И уже въ мысляхъ пресыщеннаго человѣка намѣчалась программа дальнѣйшихъ дѣйствій. Они поужинаютъ, она охмѣлѣетъ отъ вина, и онъ увезетъ ее отсюда, туда, къ себѣ, въ его комфортабельную холостую квартиру. Сегодня свободный вечеръ. Нетти, эта его случайно затянувшаяся черезъ чуръ долго привязанность, не заглянетъ нынче къ нему. Она занята въ кабаре. Значитъ... Сладкая, давно уже не испытанная дрожь, пріятно пробѣгаетъ по его тѣлу... Загораются щеки отъ близости милаго юнаго существа. Горячѣй, прерывистѣй становится дыханіе... Маленькая бѣленькая ручка съ тонкими пальчиками

при нечаянныхъ встрѣчахъ съ его пальцами обжигаетъ какъ укусъ пчелы...

Неопредолимо тянетъ схватить на руки дѣвушку, всю такую нѣжную, хрупкую, такую чистую и зацѣловать до полусмерти опытными, знающими поцѣлуями. О, милая, она еще прелестнѣе въ своемъ невѣдѣніи, не понимая, не угадывая, волнующихъ его мыслей...

. . . . . .

Послѣ третьяго бакала Маня захмѣлѣла. Порозовѣли нѣжныя щеки... И глаза Мадонны заискрились сильнѣе шампанскаго.

А свирѣльный голосокъ сталъ все чаще и чаще прерываться взрывами безпричиннаго, глупенькаго смѣха.

— Ха, ха, ха!.. вы адвокатъ? Ну да, конечно, такъ и знала.

— Почему же именно адвокатъ? — снисходительно улыбнулся натянутой улыбкой Вадимъ Львовичъ, въ то время какъ мысли его выводили совсѣмъ иныя рѣчи, полныя утонченной чувственности.

Ну да, адвокатъ? Ей Богу... Въ васъ есть что-то такое... специфическое. Такъ и кажется сейчасъ: поднимитесь съ мѣста, обведете какъ съ трибуны величественнымъ взглядомъ аудиторію и начнете...—Господа судьи и присяжные засѣдатели... Ха, ха, ха... Но я кажется немного опьянѣла, вотъ скандалъ-то...

— Нисколько, нисколько, продолжайте, дѣточка.

— Ахъ, Боже мой, какія дивныя груши.. Я ужасно ихъ люблю...—подхватила радостно Маня,

закусывая предупредительно очищенный для нея ея собесѣдникомъ дюшесъ.

— А кого вы еще любите кромѣ грушъ?.. Того высокаго студента-путейца въ шинели или маленькаго универсанта въ пальто?

И опять плотоядная улыбка прячется въ насмѣшливой складкѣ губъ и за тяжелыми вѣками.

— Ха, ха, ха... Ни того, ни другого... Я никого не люблю... Одну мою грезу люблю. Милую далекую грезу... Знаете, какъ у Ростана? Читали?

Нѣтъ, онъ не читалъ Ростана, конечно. Въ немъ нѣтъ разумѣется ни капли перца, въ Ростанѣ. А то бы онъ зналъ его, разумѣется. Онъ любитъ фривольное, легкое чтеніе... Вагонную мелочь... Немножко беллетристики, чуть-чуть порнографіи. Но эта дѣвочка такъ мила. Конечно, онъ не испугаетъ ее своимъ невѣжествомъ, онъ скажетъ ей, что читалъ Ростана. Но она и не спрашиваетъ даже. Повидимому, совсѣмъ захмѣлѣла, бѣдняжка.

Такъ мило запрокидываетъ головку и смѣется. Бѣлая нѣжная шейка дразнитъ воображеніе. Глаза Мадонны дѣлаются совсѣмъ дѣтскими, невинными и пустыми.

Вотъ онъ—моментъ начала..

Въ слѣдующій же мигъ онъ рядомъ съ нею на диванѣ...

— Дѣточка, милая дѣточка, кого же вы любите еще?

И не дожидаясь отвѣта, съ перерваннымъ дыханіемъ, прежде нежели она успѣваетъ крикнуть, сжимаетъ ее въ объятіяхъ...

— Милая, милая дѣточка... Милая, милая крошка! Нѣжный цвѣтокъ... Майская бабочка...

Какія настойчивыя и ласковыя руки! И эти глаза, казавшіеся еще недавно такими жуткими и тяжелыми, теперь они прекрасны въ минуту страсти.

Маня чувствуетъ себя былинкой подъ натискомъ бури въ этихъ нѣжныхъ властныхъ рукахъ. Это первыя мужскія ласки. Первыя объятія въ ея жизни. Этотъ незнакомый человѣкъ баюкаетъ ее какъ маленькую дѣвочку. Непріятно только, что у него дрожатъ руки, и губы трясутся, и глаза смотрятъ такъ жадно, точно хотятъ ее съѣсть.

Изъ этихъ глазъ словно сыплются искры и опаляютъ ее, Маню... и вздрагиваетъ въ ея тѣлѣ отвѣтная страсть.

— Люблю мою грезу, всегда люблю... а васъ сегодня, а васъ сейчасъ, — лепечетъ она чуть слышно, сдѣлавъ усиліе надъ собою.

Потомъ начинаетъ говорить болѣе сознательно, толково и связно. Говорить о себѣ.

— Пріѣхала учиться нынче осенью изъ провинціи на курсы, драматическіе курсы, да война совсѣмъ вышибла изъ колеи. Занимается, помогаетъ Кирѣ Павловнѣ Нельской въ лазаретѣ ея барона. Хотѣла учиться, сдать экзаменъ на „сестру“, да отца жалѣетъ, одинъ старикъ остался... Братъ на войнѣ... на передовыхъ позиціяхъ... Любимый... Съ самаго начала... И дядя полкомъ командуетъ... Потомъ еще два кузена... Братишку жалко страшно. Совсѣмъ еще ребенокъ. Добровольцемъ пошелъ. Былъ раненъ, но остался

въ строю. Подумайте, по девяти дней изъ окоповъ не выходилъ. Пишетъ, что такъ съ солдатами сжился, душа въ душу. А потомъ двоюродная сестра у меня тамъ была „сестрицей"... Ту убило наповалъ осколкомъ снаряда... Счастливица, воплотила свою грезу, умерла какъ героиня на своемъ посту.

— Не надо о смерти, дѣтка, не надо. Вы—сама жизнь, сама юность!

— Ахъ, нѣтъ. Развѣ можно о чемъ-нибудь другомъ теперь... постороннемъ. Война—это все. Жду, не дождусь пристроить какъ нибудь у родныхъ папочку... Сама на думскіе курсы сестеръ... А потомъ, дастъ Богъ, и на передовыя позиціи.

— А если... что нибудь дурное случится?..

— Пускай... Ольга же умерла, убита. А я чѣмъ лучше?.. И Володя каждый мигъ собой жертвуетъ... а я...

Володя!

Вадимъ Львовичъ вздрагиваетъ внезапно. Володей зовутъ и его любимца, сына той, первой, съ которой онъ прожилъ необычайно красивую и тонкую эпоху своей жизни, и ребенка которой вправѣ считать своимъ.

Володя, судя по письмамъ той далекой, оставленной имъ давно, давно, тоже ушелъ добровольцемъ, несмотря на свою молодость, на свои юные годы.

Гдѣ онъ сейчасъ, этотъ милый Володя?

Можетъ быть тоже, какъ и братъ этой дѣвочки, по девяти сутокъ мерзнетъ въ окопахъ или лежитъ гдѣ нибудь безпомощный, сраженный непріятельской пулей.

Что то нудное, ползучее, неотвязное проникаетъ въ сердце и щиплетъ его противными болѣзненными щипками.

Встаютъ тяжелыя картины, мучительные образы... Груда тѣлъ... Рѣки крови, обезображенныя массы того, что было еще недавно живыми людьми. И среди всего этого хаоса, этого ужаса войны, онъ, Володя, нѣжный и хрупкій какъ дѣвушка.

Володя и тысячи ему подобныхъ сейчасъ тамъ, среди этой бойни, этого ада, рискующіе жизнью, каждое мгновенье, а онъ здѣсь, какъ опытный хищникъ, какъ ядовитый паукъ, ищетъ минуты завлечь въ свою паутину беззащитную глупенькую мушку...

Вадимъ Львовичъ проводитъ рукою по лицу... Даже потъ выступилъ у него на лбу. И мучительно больно снова кольнуло сердце...

Онъ смотритъ съ минуту на юную головку, прильнувшую такъ довѣрчиво къ его груди...

Что это? Она кажется спитъ?.. Такъ и есть, бѣдная дѣтка!..

Когда получасомъ позднѣе Вадимъ Львовичъ усадивъ у дверей ресторана въ извозчичьи сани Маню и отправивъ ее домой, идетъ къ себѣ домой, въ свою одинокую холостую квартиру, ему кажется впервые, что въ зимнемъ воздухѣ разлита какая-то особенная чистая, красивая свѣжесть, а отъ темнаго неба словно вѣетъ примиряющимъ, мягкимъ спокойствіемъ.

Двое и одинъ.

I.

Тогда старыя ветлы вздрагивали надъ прудомъ и таинственно, по осеннему, шуршала аллея.

Тогда была осень и большой немного запущенный, тѣнистый садъ Нагорнаго, медленно умиралъ въ ея грустномъ оцѣпененіи. Тогда была осень, когда три женщины съ заплаканными глазами и съ припухшими вѣками отправляли ихъ на войну. Но какъ давно, какъ мучительно давно это было! Тогда шуршали мертвые листья въ аллеяхъ стараго сада, и багровѣли пышные закаты на горизонтѣ черезъ море убранныхъ полей... Теперь бѣлая пелена снѣга покрываетъ эти поля, и отъ прозрачно-хрустальнаго, какъ дорогой темный аквамаринъ, осенняго неба, осталась какая-то туманная сѣроватая грусть.

И пустынная, всегда тихая усадьба Нагорнаго сейчасъ вся въ снѣгу, вся запущенная бѣлой пудрой инея, какъ красивая таинственная зимняя сказка.

Три женщины темными призраками скользятъ по высокимъ неуютнымъ комнатамъ безшумной походкой съ пытливымъ вопросомъ, застывшимъ одинаково въ трехъ парахъ глазъ молодыхъ и ста-

рыхъ. Иногда сталкиваются у оконъ, въ ожиданіи почтаря Ефима. И когда показывается у крыльца его нескладная, въ ветхомъ зипунѣ, юркая фигура, мать первая бросаетъ глухимъ, надорваннымъ голосомъ:

— Должно быть отъ Андрюши. Дай Господи, чтобы отъ него! Онъ такъ давно уже не писалъ намъ...

И смолкаетъ тотчасъ же, встрѣчая на себѣ злые, враждебные глаза старшей дочери, беременной Александры.

— Почему отъ Андрея, а не отъ Всеволода? Андрей отдыхаетъ, вы же знаете. Ихъ полку дали временную передышку. Значитъ не въ опасности. А Сева по двадцати дней не выходитъ изъ окоповъ... Вы же читали...

И въ ту же минуту на Сашу злобно накидывалась горбатая Эля.

— Удивительно! то есть удивительно, какую чушь ты несешь... Ну да, твой Сева въ окопахъ... подъ защитою, а Миша все послѣднее время бьется въ Карпатахъ... въ Карпатахъ, понимаешь? Это не окопы и не тылъ... Господи! Какъ подумаешь только, что онъ въ самомъ сердцѣ незнакомой чужой страны; что каждую минуту они могутъ... ихъ могутъ... Эля не договариваетъ, всхлипываетъ истерично и бурей выносится на крыльцо.

— Платокъ возьми! платокъ! кричатъ ей вслѣдъ двѣ другія:—простудишься, Эля... Тебѣ нельзя...

Но Эля ничего не слышитъ. Ея изуродованная горбомъ фигура, съ прекрасной кудрявой головкой излюбленнаго типа Греза, съ глазами сверкаю-

щими горячо, какъ звѣзды, уже на крыльцѣ. Вмѣстѣ со старымъ Никитой, доживающимъ восьмой десятокъ здѣсь на покоѣ, собственноручно роется въ сумкѣ почтаря. И если попадается желанный конвертикъ со штемпелемъ дѣйствующей арміи, бѣгло вскидываетъ глаза на почеркъ адреса. Отъ Миши? Всеволода? Андрея? И если письмо отъ Михаила, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и вскрикиваетъ, вся загорѣвшаяся восторгомъ.

— Отъ Миши... Отъ Миши...

Но если письмо отъ зятя, мужа сестры Саши, или отъ брата Андрея, машетъ издали, высоко поднявъ конвертъ надъ головой по направленію оконъ дома. И двѣ прильнувшія къ стекламъ женскія головы торопятъ ее оттуда знаками, волнуясь, страдая и негодуя...

II.

Три женщины, старая мать и двѣ дочери еще недавно такъ нѣжно и утонченно чутко относились другъ къ другу. Была на рѣдкость дружная семья. Какъ-то стойко и бодро переносили ниспосланное въ семью несчастіе. Нянька въ дѣтствѣ выронила маленькую Элю изъ окна, скрыла это изъ страха, и результатомъ катастрофы явился безобразный горбъ на спинѣ у дѣвочки. Но этотъ горбъ не портилъ прелестнаго личика, съ тонкими выточенными чертами, съ глубокими всегда ярко горящими черными глазами, съ цѣлымъ богатствомъ пышныхъ вьющихся по плечамъ кудрей, и характеръ Эли всего менѣе пострадалъ отъ ея не-

счасія. Она осталась и калѣкою тѣмъ же милымъ жизнерадостнымъ ребенкомъ, какимъ была раньше. И только съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ на войну ея женихъ, товарищъ Андрея, ихъ троюродный братъ Михаилъ Кирьяновъ, Эля круто и рѣзко измѣнилась къ худшему.

— Ужасно, ужасно чувствовать своё безсиліе!— говорила она:—ужасно бездѣйствовать, когда тамъ всѣ. Всѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, отдаютъ себя общему дѣлу. И одна я только ничтожная, безполезная, глупая, никому ненужная, копчу небо... Сижу сложа руки, когда тамъ одни проливаютъ свою кровь за родину, другіе спасаютъ отъ смерти тѣхъ героевъ, уходомъ за ними, и только я, я одна ничтожество, тля, мерзость ничегонедѣланія, ограничиваюсь чтеніемъ газетныхъ извѣстій. Мама! Саша, де неужели вы не видите, какъ это несносно!

Страстью отчаянія вѣяло отъ этихъ словъ, отъ этого безъисходнаго молодого горя. Оно разряжалось бурно, остро, мучительно. Кудрявая головка падала на столъ, маленькіе блѣдные пальчики впивались въ густые каштановые кудри, и Эля рыдала на весь домъ глухими, потрясающими все тѣло, всю душу, рыданіями.

Мать старая, слабая, плохо видящая, перенесшая много горя за свою семидесятипятилѣтнюю жизнь, вставала въ такія минуты съ кресла и неровной походкой приближалась къ дочери. Хотѣла утѣшить и не могла. Только путала трясущимися, высохшими руками, каштановыя кудри и смачивала

ихъ незамѣтными старческими слезами. И шептала ввалившимися губами:

— Дѣточка моя, бѣдная моя дѣточка... за что же? Не надо дѣточка, не надо... Успокойся. Господь съ тобою. Всѣ и мы какъ ты... хотѣли бы... и я и Саша... Я стара... по старости не могу, Эличка, а Саша...

Она бросала мелькомъ печальный взглядъ на большой животъ старшей дочери. И будущій ребенокъ, будущій внукъ, о которомъ такъ пламенно мечтала годъ тому назадъ, выдавая замужъ дочь, уже не радовалъ больше старуху.

И сама Александра волновалась и тревожилась не менѣе сестры. Она негодовала и досадовала на предстоящія роды. Они помѣшали ей тотчасъ же по окончаніи курса сестеръ унестись туда, на передовыя позиціи, гдѣ сражались мужъ съ братомъ, гдѣ нужна была молодая, умѣлая и сильная пара рабочихъ рукъ. Впрочемъ, она казалась счастливѣе Эли: ту забраковали при пріемѣ на курсы въ ихъ губернскомъ городѣ, забраковали по слабости здоровья.

— Изъ-за горба! Исключительно изъ-за проклятаго горба! изступленно тогда же вернувшись съ медицинскаго осмотра домой въ усадьбу, кричала на весь домъ взволнованная дѣвушка. И то правда, кто рискнетъ поручить калѣкѣ больныхъ, раненныхъ? Калѣка—нѣчто слабое, жалкое, ничтожное... Вѣдь за самой калѣкой смотрѣть надо... Уходъ ей нуженъ, леченіе! Проклятіе, а не жизнь. Ужъ лучше бы совсѣмъ на смерть пристукнули,

чѣмъ такъ-то... Господи, возьми меня, да, возьми меня, Господи...

И опять рыданія... Глухія, стенающія, отчаянныя.

А по ночамъ, въ эти долгія зимнія ночи, когда весь старый домъ наполнялся шорохами и шумами, треcками половъ и стрекотаньемъ сверчка, плакала, изнемогая отъ ожиданія и безсильной злобы, старшая Александра. Плакала изъ-за невозможности вырваться сразу изъ этой глуши, броситься туда, гдѣ сосредоточились всѣ главныя артеріи нашей жизни... Но надо было смириться, надо было ждать. И уже враждебно относилась къ будущему ребенку; казался онъ ей ненужнымъ; тяжелымъ бременемъ казался онъ ей теперь.

Со дня на день ожидала родовъ, терзалась и мучилась промедленіемъ. Лихорадочно читала письма мужа и брата... Жадно проглатывала извѣстія съ войны и снова плакала по ночамъ, плакала отъ зори до зори, отъ вечера до утра. Плакала и старая мать у себя втихомолку. Плакала и молилась. Теплила лампады въ огромныхъ неуютныхъ комнатахъ стараго дома, вынимала частичку о здравіи сына и тѣхъ двоихъ, болѣе далекихъ. А за раннимъ обѣдомъ, когда сходились, чтобы наскоро и нехотя проглотить неидущіе въ горло куски и поглядывая то и дѣло въ окна, въ ожиданіи почтаря Ефима, казались другъ другу чужими и враждебными, эти три женщины, такія близкія по крови.

Каждая словно читала мысли и тайныя желанія другой.

— Если суждено письмо, сдѣлай такъ, чтобы было оно отъ Андрюши... страстно и наивно молила одна.

– Отъ Севы... отъ моего Севы... настойчиво вымаливала у судьбы другая...

— Отъ Миши... Миши... Миши! Дай Господи, чтобы отъ Миши... лепетала малелькая горбунья. И всѣ ревниво и недоброжелательно всѣ трое слѣдили другъ за другомъ.

III.

И вотъ однажды, вмѣсто желаннаго письма, пришло иное страшное извѣстіе. Откуда то изъ океана молвы сначало выплыло оно и приняло свой неясный чудовищный обликъ. Кто то изъ сосѣдей пріѣхалъ изъ города... Смутно слышалъ дошедшую вѣсть. Двухъ Кирьяновыхъ убили! Но которыхъ? Ни кто не зналъ, ни кто не умѣлъ отвѣтить достовѣрно. Андрей, Всеволодъ и Михаилъ были троюродные братья изъ трехъ разныхъ родственныхъ семей и носили одну и ту же фамилію, всѣ трое будучи съ родствѣ между собою. И всѣ трое по чину были поручиками.

Долго дознавались изъ своей глуши объ именахъ погибшихъ, не вѣря ни слухамъ, ни газетнымъ извѣстіямъ. Но вскорѣ послѣ перваго жуткаго извѣстія пришло и второе. Раненъ и третій Кирьяновъ и ѣдетъ въ Надгорное домой.

Мать и двѣ дочери, всѣ трое въ глубокомъ траурѣ, выѣхали къ поѣзду. Бѣлѣли еще не стаявшіе снѣга на полѣ, и снова медленно принимало

свою голубую окраску аквамариновое небо. Три женщины казались тремя темными призраками на фонѣ этой бѣлой, чистой радостной сказки. Мать, еще болѣе постарѣвшая, осунувшаяся, съ желтымъ какъ пергаментъ лицомъ, казалась не живою отъ пережитаго горя.

Три дня находилась она въ невѣдѣніи, пока не пришло извѣстіе изъ штаба, кто изъ троихъ Кирьяновыхъ палъ съ честью на полѣ брани.

Оказалось самое жуткое, самое безысходное для материнскаго сердца: погибъ Андрюша, ея сынъ, ея первенецъ, ея любимецъ. И молодой жизнерадостный Миша тоже... Женихъ бѣдной Эли. Двое погибшихъ. Двое безвозвратно утерянныхъ навсегда.

Мать вылила послѣдніе слезы. Страдала за себя, страдала за Элю. Ея молодое горе потрясало немногимъ менѣе своего. Кудрявая головка горбатой красавицы то затихала неподвижно на материнской груди, то начинала биться о стѣны и двери и извергать вопли отчаянія, муки, почти животнаго страданія. И тогда какъ то сразу замирало собственное горе. И выдвигалось это молодое, животрепещущее, жуткое въ своемъ аффектѣ. Мертвый Андрей отступалъ на минуту и давалъ мѣсто другому погибшему. Пока не утихали дѣвичьи рыданія, пока не замирала обезсиленная голова дѣвушки снова на ея старой груди.

Въ день пріѣзда раненаго Всеволода рѣшили сопровождать на вокзалъ Сашу. Роды могли наступить каждую минуту, нельзя было отпустить даже и въ недолгій путь одну. Пріѣхали въ городъ за

долго до прихода поѣзда. Сгруппировались въ уголкѣ зала перваго класса. Всѣ трое въ крепѣ, всѣ трое въ черномъ, всѣ трое съ поблѣднѣвшими и осунувшимися лицами. У одной Саши глаза горѣли еще огнемъ ожиданія. Были нѣкоторыя надежды въ груди и смутная блеклая радость встрѣчи. Вѣрнѣе отголосокъ радости. Смерть брата, горе сестры... Общее горе... И впереди еще рана мужа... Какая рана... Опасная? Жуткая? Грозящая калѣченіемъ? Ахъ, она не знаетъ ничего, ничего... Въ телеграммѣ стояло такъ глухо, такъ смутно: „Раненъ. Возвращаюсь. Цѣлую". И все.

А какъ раненъ? Вѣдь отъ ранъ умираютъ люди. О, это невѣдѣніе.

И еще страшнѣе дѣлается при взглядѣ на сестру... Глаза Эли полны укора. Она ясно читаетъ въ нихъ недоброжелательство, упрекъ. „Ихъ было трое, говорятъ эти черные, недобрые, сухо блестящіе глаза, — ихъ было трое, а погибло два и спасенъ судьбою одинъ. Но почему же ты такая счастливица, почему ты, а не я и не мама"?

Поѣздъ подходитъ къ платформѣ медленно и тягуче, какъ подходятъ обыкновенно всѣ пассажирскіе поѣзда. Но уже задолго до приближенія его три женщины видятъ сѣрую солдатскаго сукна шинель и блѣдное, исхудавшее до неузнаваемости лицо Всеволода, вышедшаго на площадку вагона. Вотъ останавливается подползшій вагонъ, и съ тихимъ крикомъ: — Сева! милый! Саша бросается впередъ. Старуха-мать смотритъ тоже какъ и Эля горящими, завистливыми глазами. Гдѣ то въ мозгу копошится смутная темная мысль:

— Не онъ... не мой Андрюша... того убили, остался въ живыхъ другой.

И Эля вся вытянувшаяся, съ заалѣвшими щеками и мрачнымъ взглядомъ шепчетъ, глядя на зятя и сестру:

— Нѣтъ Миши... нѣтъ Миши... нѣтъ Миши...

Но Александра не видитъ и не слышитъ ничего... Она вся полна собственной радостью своимъ счастьемъ. Она видитъ одно только дорогое ей лицо... Одни только выстраданные глаза, улыбающіеся ей нѣжно и скорбно...

Но почему такъ скорбно? Почему? Или онъ не радъ видѣть ее? Или ея обезображенная беременностью фигура отталкиваетъ его? Или онъ страдаетъ отъ раны? Бѣдный, милый, бѣдный!

Любящимъ ласковымъ взглядомъ окидываетъ она мужа. И тутъ только странное измѣненіе въ его фигурѣ бросается ей въ глаза. Въ то время какъ лѣвая его рука еще издали протягивается къ ней навстрѣчу, правая остается безъ движенія... Вѣрнѣе, она, Саша, и не видитъ даже этой правой руки. Какъ то пусто и безпомощно болтается длинный правый рукавъ походной солдатской шинели.

Блѣдная, съ перекосившимся лицомъ, Саша дѣлаетъ еще шагъ къ мужу. И въ одинъ мигъ, ярко и остро, ничѣмъ неопровержимая истина пронизываетъ ея мозгъ: „Раненъ серьезно... рука ампутирована... Калѣка на всю жизнь...

И тотчасъ же меркнетъ все въ хаосѣ какого то темнаго, мертвеннаго тумана отчаянія...

IV.

Старыя ветлы вздрагиваютъ надъ прудомъ... И потрескиваетъ первымъ весеннимъ трескомъ февральскій ледъ... Все глубже, все синѣе дѣлается небо... Чуть внятно, тонко и пряно доносится откуда то изъ далека свѣжая струя ранней весны...

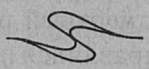
У Саши родился мертвый ребенокъ. Всеволодъ медленно и долго поправлялся послѣ ампутаціи руки. Исчезла бодрость изъ его сильной, гордой души... Страдалъ отъ невозможности вернуться снова въ строй, отомстить за тѣхъ двоихъ убитыхъ, и не за нихъ только, за всѣхъ павшихъ, за всѣхъ братьевъ своихъ...

А мать тихо-молчаливо несла свое горе. Объ Андреѣ старались не говорить въ домѣ. И сама она обходила этотъ скорбный вопросъ. Схоронила его въ тайникахъ души, въ глубинѣ материнскаго сердца. Помогала дочери и зятю. Ухаживала за ними, самоотверженно, по старчески, кротко и смиренно.

И Эля присмирѣла, притихла. Жило еще глубокое больное горе въ молодой душѣ... Но то было горе красивое, невыплаканное, незабываемое до могилы, переходящее въ вѣчную поэзію загробной любви. А здѣсь на глазахъ ярко и наглядно горѣло другое...

Полный силъ, жизни, мужества зять калѣка. Обездоленный, страдающій своимъ безсиліемъ онъ былъ

всегда на глазахъ. И сестра съ разбитыми иллюзіями, съ разрушенными планами на кипучую дѣятельность тамъ, на пользу родины. Сестра-сидѣлка безрукаго калѣки мужа. И глядя на нихъ обоихъ, затихала острая мучительная тоска Эли, и темная зависть къ уцѣлѣвшему смѣнялась глубокимъ сочувствіемъ и скорбью.



Бирюзовое колечко.

I.

Хорунжій Лихомирко углубился въ лѣсъ со своей полусотней. На-диво разубранныя причудливою рукою осени стояли деревья. Золотомъ и багрянцемъ отливала ихъ замѣтно порѣдѣвшая листва. Шуршали подъ ногами лошадей опавшіе, мертвые листья и высохшая желтая трава.

Этотъ безпокойно-меланхолическій шумъ невольно будилъ воспоминанія въ душѣ молодого офицера. Представлялась минувшая осень, вспоминалась Ольгуся.

И сердце Лихомирко сладко замерло отзвукомъ недавняго былого.

Вспоминался „тотъ“ вечеръ, котораго онъ никогда не забудетъ. Всѣ встали изъ-за чайнаго стола. Дѣдъ съ Варварой Петровной Чумаченко, докторъ и богатый сосѣдъ-помѣщикъ Сидоренко, по своему обыкновенію сѣли сражаться въ „девятый валъ“. Къ нимъ примазался Костикъ, семнадцатилѣтній юнкеръ-кавалеристъ, сынъ хозяйки дома. Собирались играть всю ночь, до утреннихъ пѣтуховъ. Такъ и сообщили объ этомъ Лихомирко съ Ольгусей. Какъ они обрадовались, помнится,

этому рѣшенію стариковъ!.. Еще бы! Впереди была цѣлая ночь драгоцѣнной свободы.

— Пойдемъ на леваду! — шепнула Ольгуся и тронула его за руку.

О, этого прикосновенія нѣжныхъ дѣвичьихъ пальчиковъ онъ не забудетъ никогда!

Съ самаго начала пробужденія въ немъ инстинкта взрослаго, Никаноръ Лихомирко не мечталъ о другой женщинѣ, кромѣ Ольгуси. Съ дѣтства онъ зналъ ее. Дѣдъ его Павелъ Петровичъ Лихомирко былъ сосѣдомъ по имѣнію съ Варварой Николаевной Чумаченко. Ихъ владѣнія соприкасались. Соприкасались и души ихъ дѣтей. Синіе глазки Ольгуси постоянно мерещились Никанору. О нихъ мечталъ онъ еще со школьной скамьи, имъ посвѣщалъ свои лучшіе душевные порывы.

И вотъ въ эту осеннюю незабвенную ночь онъ открылся Ольгусѣ, открылся совсѣмъ неожиданно, молодо, пылко. Печально шуршали подъ ногами мертвые листья въ аллеѣ, которой они тогда пробирались къ левадѣ. Трещали сухіе отростки засохшаго ковыля на левадѣ. А темное, бархатное небо родимой Украйны сверкало алмазной сказкой безчисленныхъ звѣздъ.

Вотъ эта красота волшебной августовской ночи и заставила высказать Никанора то, что онъ таилъ до сихъ поръ въ глубинѣ души отъ Ольгуси.

Дѣвушка внимательно выслушала его и пожала ему руку, а потомъ, сидя на левадѣ, долго декламировала тѣ изъ стиховъ Бальмонта, гдѣ говорилось о любви тревожной и чуточку странной.

Никаноръ не былъ способенъ на такую любовь. Нѣтъ, его чувство къ Ольгусѣ было такъ пылко, полно и просто по своей ясности и красотѣ. Однако стихи онъ слушалъ жадно и упивался нѣжнымъ голосомъ Ольгуси, и мечталъ о томъ, какъ этотъ самый голосокъ скажетъ ему: „люблю“.

Но пѣтухи пропѣли, а Ольгуся такъ и не сказала этого слова. Блѣднѣли и гасли золотыя звѣды въ вышинѣ. Гасли съ ними и надежды молодого хорунжаго, когда тою же дорогой онъ съ Ольгусей возвращался домой.

А въ концѣ января онъ узналъ потрясающую новость: Ольгуся, его мечта и греза всей его юности, вышла замужъ за толстаго, стараго богача-помѣщика Сидоренко.

II.

— Никаноръ Димитріевичъ, а вѣдь это — они!

— Полно, Костя!.. Вамъ всюду они мерещатся.

— Ей Богу, они, Никаноръ Димитріевичъ! Развѣ не слышите? Хрустнула вѣтка, вотъ еще и еще... Должно быть, разъѣздъ ихъ кавалеріи. Я ужъ знаю, пѣхота у нихъ совсѣмъ иначе ходитъ.

О, этотъ мальчикъ съ его пламенной фантазіей, простительной впрочемъ для его семнадцати лѣтъ! Никаноръ Димитріевичъ казался самому себѣ старымъ въ сравненіи съ этимъ мальчуганомъ, а ему вѣдь только недавно пошелъ двадцать третій годъ. И, какъ „старому офицеру“, Ольга Владиміровна Сидоренко, его бывшая Ольгуся, поручила ему своего брата Константина, выпущен-

наго изъ училища только этимъ лѣтомъ въ ихъ полкъ.

Красивый юноша до боли напоминалъ ему Ольгусю, не эту расплывшуюся, беременную первымъ ребенкомъ мадамъ Сидоренко, со слезами въ покраснѣвшихъ глазахъ, просившую его поберечь ея братишку, а ту Ольгусю левады и бархатной украинской ночи—лучшей, которую онъ когда либо переживалъ. О, да, онъ сбережетъ во что бы то ни стало этого ребенка! Онъ своей грудью заслонитъ его, если потребуется, отъ непріятельской пули или штыка. Онъ сдѣлаетъ все зависящее отъ него, чтобы Костя не подвергался большей опасности. Но развѣ можно что либо предусмотрѣть среди ужасовъ войны?

Это—они, я это знаю навѣрное... И конные... Разъѣздъ,—снова произнесъ Костя.—Хорошо было бы ихъ живьемъ раздобыть. Пустите меня, Никаноръ Димитріевичъ, съ нашими молодцами. Прикажите вызвать охотниковъ.

— Не спѣшите, Костя, не волнуйтесь. Наше не уйдетъ отъ насъ.

— Но вѣдь они же близко уже, въ какихъ нибудь ста шагахъ, вонъ тамъ, за тѣми багряными кустами. И безъ бинокля видно.

Лихомирко взглянулъ по направленію, указываемому юношей. Такъ и есть—что-то темное, какія-то черныя фигуры шевелились за ближайшею чащею кустовъ.

„А мальчуганъ, какъ будто, правъ. Несомнѣнно тамъ засада. Необходимо выбить на открытое

поле",—соображалъ хорунжій, не сводя глазъ съ подозрительныхъ кустовъ, и тутъ же вызвалъ охотниковъ.

Константина Чумаченко онъ оставилъ при полусотнѣ, несмотря на всѣ мольбы такъ и рвавшагося въ бой юнаго офицера. Лихомирко рѣшилъ беречь его по мѣрѣ силъ и возможности и всячески держался этого своего рѣшенія.

Костя чуть не плакалъ отъ досады и злости. Онъ уже грезилъ отличіемъ; ему мерещился желанный крестикъ Георгія. Его невыразимо тянуло въ самое пекло боя, а участвовать въ настоящемъ бою до сихъ поръ пришлось всего лишь одинъ разъ съ того самаго дня, когда переступили они черту Галиціи. Никаноръ Димитріевичъ держалъ его при себѣ, подъ „крылышкомъ", то и дѣло посылая съ донесеніями по начальству или оставляя въ прикрытіи съ запаснымъ полувзводомъ.

Но разъ счастье улыбнулось юношѣ. Какъ только вылетѣли съ пиками наперевѣсъ молодцы-казаки, онъ присоединился къ нимъ, вопреки приказанію своего ближайшаго начальства, и работалъ револьверомъ и саблей не хуже другихъ. И онъ видѣлъ, какъ часть австрійцевъ бросилась врассыпную, другая же, оставшаяся, махала бѣлыми платками вмѣсто флаговъ, сигнализируя о сдачѣ. Этого часа, полнаго упоенія побѣдой, Костя не забудетъ никогда.

И вотъ, теперь съ тоскою и завистью смотрѣлъ онъ на то, какъ лихіе молодцы ихъ полусотни, вызванные старшимъ хорунжимъ, вылетѣли на

своихъ выносливыхъ коняхъ впередъ и стали углубляться въ чащу. Костя остался съ растерзаннымъ сердцемъ. Снова золотая мечта о Георгіи улетѣла въ даль.

III.

Ничего подобнаго не ожидалъ увидѣть хорунжій Лихомирко. Вмѣсто австрійскихъ солдатъ его развѣдчики добыли и привели двухъ... монахинь.

Одна изъ нихъ была полная, пожилая, съ отвислыми щеками и маленькими глазками; черная монашеская шапочка низко сидѣла у нея надо лбомъ. Другая, молодая, очень стройная и высокая красавица, поразила всѣхъ своимъ видомъ. Ея синіе глаза напоминали Никанору глаза Ольгуси; пухлый ротъ улыбался далеко не смиренной, иноческой улыбкой.

Костя Чумаченко былъ не менѣе Никанора Димитріевича пораженъ этими неожиданно появившимися предъ ними инокинями, и на его свѣжемъ лицѣ отражалась самое неподдѣльное восхищеніе молодой красавицей, а ярко блестящіе глаза впились въ ея лицо такимъ восторженнымъ взглядомъ, что молодая инокиня не выдержала и потупилась.

Въ это время хорунжій Лихомирко снималъ допросъ со старшей монахини. Она отвѣчала на смѣшанномъ польско-русскомъ нарѣчіи галичанъ, и ея тонкій, высокій голосъ мало соотвѣтствовалъ широкимъ плечамъ и всей ея массивной фигурѣ.

Подробно и толково объяснила монахиня офицеру, что сама она и ея молодая спутница—ино-

кини изъ ближняго монастыря и направляются въ дальній „Печать Богородицы“ монастырь, чтобы уговориться съ игуменьей его насчетъ разборки раненныхъ по ближайшимъ обительскимъ лазаретамъ.

— Да вотъ въ дорогѣ едва не привелось случиться несчастью: нарвались на австрійскій разъѣздъ, — продолжала словоохотливая инокиня. — Слава Богу, оказались свои же галичане. А то, храни Богъ и Святая Марія, если бы коренные венгерцы или мадьяры!.. Не сдобровать бы тогда намъ, особенно ей,—мотнула она головой въ сторону своей спутницы.—Сами знаете, какъ австрійцы падки до женской красоты. Одинъ Господь вѣдаетъ, сколько невинныхъ дѣвушекъ погибло въ эту войну!—и маленькіе глазки монахини цѣломудренно поднялись къ небу.

Въ прекрасномъ лицѣ ея спутницы отразилось нѣкоторое смущеніе. Красавица безпокойно повела плечами и опустила голову.

— А куда проѣхалъ встрѣчный австрійскій отрядъ?—спросилъ монахинь хорунжій.

Наступила пауза.

Никаноръ нетерпѣливымъ жестомъ вынулъ изо рта папироску и бросилъ ее въ кусты.

Вдругъ заговорила молодая монахиня. Оказалось, что она очень недурно владѣла русскимъ языкомъ.

— Они пошли направо, въ томъ направленіи,— указала она на дальнія группы зарумянившихся кленовъ,—и если вы, господинъ офицеръ, прикажете своему разъѣзду взять это направленіе, то

черезъ часъ-другой настигнете ихъ.—Тутъ синіе, глубокіе глаза засверкали огнемъ ненависти.—Мнѣ все равно: мадьяры или австріяки!—рѣзко и гнѣвно сорвалось послѣ небольшой паузы съ ея губъ:—одинаково разбойники,—тѣ и другіе.

— Молчи, сестра Марія! Господь указываетъ намъ прощать своихъ враговъ,—остановила ее старшая спутница, набожно поднимая глаза и перебирая четки.

Молодая возразила ей что-то тихо, потомъ онѣ обѣ сразу заговорили такъ быстро на своемъ смѣшанномъ языкѣ, что ихъ никакъ уже не могли понять ни оба офицера, ни окружающіе казаки. Особенно волновалась и горячилась молодая.

— Что она говоритъ?—спросилъ ея старшую спутницу Лихомирко.

— Сестра Марія предлагаетъ, чтобы вы, господинъ офицеръ, захватили насъ обѣихъ съ собою. Мы можемъ быть полезны вамъ. Мы знаемъ монастырь, куда сегодня ночью должна придти на ночлегъ полурота австрійской пѣхоты, и если вы пожелаете, то мы приведемъ васъ съ отрядомъ туда.

— Ладно, ведите!—послѣ нѣкотораго колебанія согласился хорунжій, соображая въ то же самое время, что ему и его людямъ придется имѣть дѣло съ втрое сильнѣйшимъ врагомъ.

У Кости, ловившаго каждое слово, при этомъ радостно дрогнуло сердце. Наконецъ-то! Наконецъ-то предстоитъ, можетъ быть, случай отличиться и заслужить столь желаннаго Георгія.

Монахинь усадили на запасныхъ лошадей, къ великому удивленію казаковъ, и маленькій отрядъ двинулся снова.

IV.

Августовская ночь окутала темнымъ вуалемъ притихшую природу. Разлился по небу золотой дождь осеннихъ созвѣздій, засвѣтился молодой мѣсяцъ.

Костры потухли. Казаки, поужинавъ и задавъ корму конямъ, легли на короткіи отдыхъ. Рѣшено было накрыть непріятеля на разсвѣтѣ, когда утренній сонъ особенно крѣпокъ и глубокъ.

Въ небольшомъ заброшенномъ сараѣ, съ крошечнымъ отверстіемъ подъ самой крышей, прикрытой вѣтвями столѣтняго клена, устроили на ночевку обѣихъ монахинь. У дверей сарая, когда-то, должно быть, служившаго пріютомъ для людей въ ненастное время, былъ поставленъ часовой-казакъ.

Старая монахиня давно спала, тогда какъ молодая еще стояла у двери сарая и, въ присутствіи браваго казака-часового, разговаривала съ Костей. Ея задумчивое, красивое лицо, было обращено къ мѣсяцу и синіе глаза съ затаенной печалью слѣдили за игрой его лучей.

Костя Чумаченко въ свою очередь, не отрывая глазъ, слѣдилъ за юной красавицей; она положительно нравилась ему. Въ этотъ мѣсяцъ похода онъ успѣлъ научиться узнавать по внѣшности и нарѣчію простыхъ галиційскихъ крестьянокъ, а эта красавица-монахиня рѣзко отличалась отъ нихъ

во всемъ. Она и говорила иначе, чѣмъ онѣ, и держала себя совсѣмъ по-другому. Очевидно то была барышня изъ общества, дочь какого-нибудь галиційскаго помѣшика, почему либо ушедшая отъ свѣта.

Богатая фантазія юноши уже начинала ткать причудливую пряжу вымысла. Конечно здѣсь должна была быть несчастная любовь, не иначе... Конечно „она“ полюбила „его“ и конечно „онъ“ былъ на высотѣ блаженства. Но разлучникъ-отецъ воспротивился браку, и молодыя сердца были разъединены. „Онъ“ покончилъ съ собою, „она“ заперлась въ монастырѣ. Недаромъ же такъ задумчиво ея лицо, такъ печальны синіе глазки.

Куря папироску за папироской, Костя не отрывалъ отъ нея глазъ. Она положительно очаровала его таинственностью своей судьбы, своимъ мечтательнымъ видомъ. Нескромнымъ онъ быть не хотѣлъ и наскучать ей своими разспросами не считалъ возможнымъ. А между тѣмъ какъ хотѣлось узнать что либо про эту интересную незнакомку!

Вдругъ молодая дѣвушка повернула голову въ его сторону и, встрѣтившись съ нимъ глазами, тихо проговорила:

— Да, какъ странно все это!.. Люди дерутся, проливаютъ кровь, а звѣзды и небо, и этотъ мѣсяцъ такъ спокойны и безстрастны! Пройдутъ вѣка, заглохнутъ войны, люди станутъ культурнѣе, а тотъ же безстрастный мѣсяцъ все такъ же будетъ освѣщать имъ путь, можетъ, какъ и сейчасъ, безъ перемѣны.

И она протянула руку къ лунѣ, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ.

Костя взглянулъ на эту бѣлую, красивую руку съ крупною кистью, и глубокое изумленіе охватило его. На мизинцѣ монахини онъ замѣтилъ то, чего не замѣтилъ раньше: широкое золотое колечко голубѣло камнемъ крупной дорогой бирюзы.

V.

Получасомъ позднѣе, отдавъ потомъ какое-то приказаніе казаку-часовому, Костя, съ мыслью о бирюзовомъ колечкѣ монахини, стараясь какъ можно менѣе производить шума, влѣзъ на верхушку клена, росшаго у стѣны сарая. Ему было извѣстно кое-что изъ книгъ про монастырскіе уставы, про суровость обительскихъ правилъ, онъ зналъ, что ни одна инокиня не рискнетъ носить никакихъ золотыхъ украшеній съ минуты заключенія тѣла въ черную власяницу. Присутствіе же колечка на пальцѣ монашки дало совсѣмъ неожиданное направленіе мыслямъ молодого офицера, и во что бы то ни стало онъ рѣшилъ добраться до истины.

Ловкій, проворный, перебирался онъ съ одного сука на другой, оставивъ на землѣ сапоги, оружіе и всю стѣснявшую его амуницію, и, не произведя ни малѣйшаго шума, очень быстро достигъ того большого кленоваго сука, который приходился какъ разъ въ уровень съ отверстіемъ подъ крышей сарая. Не медля ни минуты, онъ заглянулъ внутрь.

То, что увидѣлъ Костя, едва не заставило его слетѣть отъ неожиданности на землю.

Лучъ мѣсяца, проникавшій въ сарай, довольно щедро освѣщалъ помѣщеніе. Въ углу на соломѣ, сильно посапывая носомъ, спала старшая монахиня, а его красавица, синеглазая таинственная и мечтательная незнакомка, сидѣла на корточкахъ предъ крошечнымъ складнымъ зеркальцемъ, поставленнымъ на обрубокъ дерева, и тщательно брилась при посредствѣ перочиннаго ножа.

Ихъ повѣсили на зарѣ, обоихъ венгерскихъ шпіоновъ, переодѣтыхъ монахинями. А тремя днями позднѣе Константинъ Чумаченко былъ вызванъ въ канцелярію полка, гдѣ командиръ прикололъ скромный крестикъ Георгія къ груди дрогнувшаго отъ счастья юноши.

Дорогою цѣною.

I.

Было много слезъ и волненій послѣ того, какъ Евгеній Павловичъ Чаевъ сообщилъ семьѣ о своей предстоящей женитьбѣ на Еленѣ Поляновой. Сестры—высокая, худая, желтолицая Анна и маленькая застѣнчивая Машенька—плакали безо всякаго стѣсненія въ присутствіи брата.

— Вѣдь она—актриса, Женюшка. Вѣдь ничего своего у нея нѣтъ; вѣдь каждое движеніе, каждый жестъ у нея наизустъ выученъ. Можетъ ли она и любить-то тебя по-настоящему? Да и разводка она, Женя: перваго мужа, всѣмъ извѣстно, бросила, такъ...

— Перестань вздоръ молоть, не говори того, чего не знаешь!—рѣзко обрывалъ старшую сестру Евгеній. — Не бросила она мужа, а принуждена была оставить его, потому, что онъ—развратникъ и извращенецъ... Поняла?

Нѣтъ, ничего не поняла Анна Чаева, не поняла ничего, кромѣ того, что научилась понимать едва ли не съ пеленокъ, что всосалось въ ея кровь съ молокомъ матери, что испоконъ вѣковъ было традиціей и закономъ въ ихъ патріархальной, строго нравственной купеческой семьѣ.

По разъ и навсегда сложившимся традиціямъ этой семьи, каковъ ни былъ мужъ, выйдя замужъ, жена должна была все терпѣть отъ него и нести свой крестъ до самой могилы, должна была сносить и придирки мужа, и измѣны его, и даже побои отъ руки главы семейства. Такъ учила сызмальства дочерей мать. А слова „разводъ“ даже не существовало въ ея понятіяхъ.

Поэтому даже застѣнчивая, миловидная, совсѣмъ еще юная Машенька, рискнула сказать брату:

— И что же это ты, Женечка, разведенную за себя берешь? Мало ли дѣвушекъ хорошихъ и безъ нея найдется? Къ тому же и безприданница она, сирота круглая, отъ бѣдныхъ родителей. Уже какая она партія тебѣ! Да Дунечка Красноярская за честь сочтетъ, мигни только. А всѣ знаютъ, что старикъ Красноярскій за дочкой полтора милліона даетъ.

Но Евгеній Павловичъ только рукою махалъ на всѣ эти рѣчи. Его безпокоило гораздо болѣе серьезное обстоятельство, предстоявшее ему еще впереди: какъ подойти съ извѣстіемъ о скорой своей свадьбѣ съ Еленой къ старухѣ-матери? Съ самаго юнаго возраста онъ привыкъ видѣть въ матери оплотъ и силу, на которой зиждилось не только благополучіе, но какъ будто даже и сама жизнь всѣхъ окружающихъ ее людей.

Властолюбивая, деспотическаго нрава, Анфиса Алексѣевна Чаева представляла собою классическій, уже вымирающій въ наше время, типъ купчихи стараго закала, типичной представительницы матріархата, требовавшей, чтобы дѣти чуть ли не

до сѣдыхъ волосъ безпрекословно подчинялись ей. Благодаря этому ея деспотизму былъ жестоко несчастливъ ея старшій сынъ, женатый на характерной, вздорной бабенкѣ, принесшей впрочемъ около двухъ милліоновъ приданаго въ ихъ домъ. Благодаря тому же деспотизму сохла и таяла, какъ свѣча, оставшаяся въ дѣвушкахъ Анна, не посмѣвшая выдти изъ воли матери и соединиться съ тѣмъ, кого любила.

Все это зналъ Евгеній, когда шелъ просить благословенія на свой бракъ съ оперной пѣвицей Поляновой, которую любилъ со всѣмъ пыломъ своихъ двадцати четырехъ лѣтъ.

Какъ онъ предполагалъ, такъ и случилось. Въ мрачной, полутемной благодаря постоянно спущеннымъ шторамъ, горницѣ (старуха Чаева не терпѣла яркаго свѣта) съ огромнымъ кіотомъ, озареннымъ свѣтомъ лампады, высокая, прямая, какъ стрѣла, съ лицомъ стараго иконописнаго письма, старуха Чаева выслушала очень терпѣливо и внимательно младшаго сына. Когда же смущенный этимъ исключительнымъ и какъ будто подчеркнутымъ вниманіемъ Евгеній замолчалъ, она рѣзко и коротко отвѣтила:

— Пока жива, не дамъ своего благословенія тебѣ на бракъ съ актеркой-разводкой. А ежели не уважишь матери и по-своему поступишь, такъ и знай: верхъ-мезонинъ былъ твой—твоимъ и останется, доходы съ гостинодворскаго магазина пополамъ съ Иванушкой—твои тоже, а жену мнѣ свою показывать и думать не смѣй. Не знаю ея и знать не хочу! Слышишь?

II.

И все-таки Евгеній Павловичъ Чаевъ, купецъ первой гильдіи и одинъ изъ наслѣдниковъ фирмы „Чаевъ и Сыновья“, женился на артисткѣ частной русской оперы, Еленѣ Поляновой. На свадьбѣ присутствовали только сестры, густо-густо обвѣшанныя старинными фамильными брилліантами, да братъ съ женою. Послѣдняя тихонько злословила въ уши золовокъ по поводу несуществующихъ любовниковъ „несчастнпй актерки, погубившей ихъ Женюшку“.

А сама Леночка, пышная, двадцатитрехлѣтняя шатенка съ задумчивыми черными глазами, похожими на двѣ глубокія пропасти, тихо сіяла непобѣдимой радостью, стоя передъ аналоемъ по лѣвую руку жениха. Евгенія Чаева она любила беззавѣтно. Съ первымъ мужемъ Лена была глубоко несчастна, не выдержала, разъѣхалась съ нимъ на второй годъ супружества, не будучи въ состояніи выносить болѣе его грубыя издѣвательства, его постоянныя мелкія измѣны и грязныя, извращенныя, обидныя ласки.

Евгенія Павловича и его почтительную любовь, его робкое поклоненіе Лена узнала уже послѣ развода всего годъ тому назадъ. Подруги по сценѣ привели его и представили ей:

— Вотъ, Леля, твой безумный поклонникъ.

Чѣмъ-то непосредственнымъ и свѣжимъ пахнуло съ его появленіемъ на молодую, но уже измученную душу Елены. И не только богатырская красата, чудесные синіе, совсѣмъ дѣтскіе глаза Ев-

генія и добродушная улыбка покорили молодую пѣвицу, а и то особенное, то свѣтлое, что таилось въ этомъ богатырѣ, въ самыхъ нѣдрахъ его дѣтской души. И ради этой души, этой свѣжести, а главное—ради любви его къ ней, Лена готова была вынести и деспотизмъ не желавшей знать ее снохи, и мелочные уколы жены старшаго Чаева, и непріязненные взгляды обѣихъ золовокъ.

Послѣ свадьбы молодые, поселившись наверху, въ четырехъ уютныхъ „холостыхъ“ комнатахъ Евгенія, держали свой особый отъ „низа“ столъ, свою отдѣльную прислугу.

Старуха Чаева сдержала слово и не пускала жены младшаго сына къ себѣ на глаза. Но Елена такъ была полна своимъ новымъ счастьемъ и любовью къ молодому мужу, буквально носившему ее на рукахъ, что вовсе и не чувствовала создавшейся вокругъ нея непріязни. Золовки рѣдко заглядывали „наверхъ“ къ молодымъ, но тѣ и безъ нихъ чувствовали себя отлично.

По утрамъ, пока Евгеній ѣздилъ по дѣламъ (онъ совмѣстно съ братомъ велъ ихъ послѣ смерти отца), Елена бывала на репетиціи, если же случалось остаться дома, то лежала съ книгой любимаго писателя, наслаждаясь отъ души уютомъ, спокойствіемъ и тишиною.

Такъ было до тѣхъ поръ, пока не грянулъ громъ военной бури надъ Россіей, пока безумные планы Вильгельма II не нарушили правильно создавшагося хода великой европейской машины, пока Евгеній Павловичъ Чаевъ, бывшій прапорщикомъ запаса, не ушелъ на войну.

III.

Четыре уютныя комнаты сразу потеряли свой уютъ и прелесть для Елены съ отъѣздомъ мужа. Теперь въ свободное отъ репетицій и спектаклей время она просиживала часами безъ дѣла на одномъ мѣстѣ, съ неподвижно уставленными куда-то вдаль, въ одну точку, страдальческими глазами.

За окнами моросилъ дождь или скупо свѣтило холодное осеннее солнце; зажигались на небѣ и гасли вечернія и утреннія зори.

Приходили новыя извѣстія съ театра войны. Русскіе богатыри брали городъ за городомъ, пунктъ за пунктомъ. Взяли Галичъ и Львовъ, взяли Ярославъ. Галиція и Буковина преклонились предъ русскимъ стягомъ. Перешагнули Карпаты и устремились къ дальнему Пешту.

Волнуясь и робко ликуя, до строки читала Елена извѣстія о русскихъ побѣдахъ съ далекаго театра военныхъ дѣйствій. Но, прежде, чѣмъ заниматься ими, съ захваченнымъ отъ страха дыханіемъ, съ холодѣющимъ отъ волненія сердцемъ, крестясь дрожащею рукою, она пробѣгала списки раненыхъ и убитыхъ и, только найдя букву „Ч“ въ длинномъ перечнѣ фамилій по алфавиту и не видя среди нихъ знакомаго безцѣннаго имени, съ облегченнымъ вздохомъ переходила къ извѣстіямъ о ходѣ военныхъ дѣйствій.

IV.

Это случилось утромъ. По разъ заведенному обычаю, горничная Феклуша внесла на подносѣ

съ утреннимъ кофе и свѣжій, пахнущій типографской краской, листъ газеты.

Нетерпѣливой рукой схватила его Елена, отыскала „Ч“ и замерла безъ движенія, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и разлившимися зрачками. Между убитыми значился прапорщикъ Чаевъ, ея мужъ.

Точно кто-то поднялъ тяжелый молотъ и опустилъ его на голову молодой женщины; какъ будто вскрыли ей грудь и на мѣсто сердца втиснули тяжелый холодный камень; не дрогнувъ, остановилось оно. И капли ледяного пота сразу оросили лобъ, темя, всю голову, все тѣло.

На минуту улетѣло сознаніе, а когда вернулось, Елена снова схватилась за газету и опять увидѣла то же—прапорщика Чаева въ спискѣ убитыхъ героевъ войны.

А потомъ началось сразу страшное, неизбѣжное. Къ вечеру пришла телеграмма съ роковой, не подлежащей уже никакимъ сомнѣніямъ, вѣстью.

„Убитъ. Тѣло прибудетъ тогда-то“.

Внизу то и дѣло раздавались истерическія рыданія осиротѣвшихъ сестеръ. Дѣвушки не плакали, а выли по-старинному, съ причитаніями и взвизгиваніями на весь домъ. Но голоса матери не было слышно среди этихъ сверхчеловѣческихъ проявленій горя. Ни единаго звука не доносилось изъ ея горницы. Говорила старая заслуженная горничная Дуняша, посѣдѣвшая и сморщившаяся вмѣстѣ со своей хозяйкой, что „дюже убита Анфиса Алексѣевна“, „туча тучей“ сидитъ въ своемъ креслѣ не говоритъ ни съ кѣмъ и не молится долго,

какъ прежде у кіота бывало. Толкнулись было къ ней дочери — не пустила, не приняла. Безъ нея служили панихиды въ большомъ залѣ, въ ожиданіи прибытія тѣла, убранномъ тропическими растеніями.

Похудѣвшая до неузнаваемости стояла на этихъ панихидахъ Елена. Замерло въ ней все. Не было попрежнему ни слезъ, ни стоновъ; какъ будто звѣрь отчаянія съѣлъ опустошенную душу. Вспоминались живой, жизнерадостный Евгеній, его любовь, его горячія ласки. Не могла, не хотѣла Елена вѣрить, что его уже нѣтъ и не будетъ больше. Все существо потрясенное до основанія, точно утонуло въ черной безпросвѣтной безднѣ. Плакать не было силъ, думать не было возможности; стонала безъ слезъ, пришибленная горемъ душа. Казалось, что сама жизнь кончилась и страстно желанною казалась смерь.

V.

Тѣло павшаго въ славномъ бою прапорщика Чаева привезли раннимъ утромъ прямо въ соборъ, въ приходскій храмъ того полка, гдѣ служилъ свою недолгую службу убитый. На завтра были назначены похороны. Свинцоваго гроба не открывали— нельзя было открыть: вмѣсто человѣческаго тѣла лежали жалкіе куски мяса и костей—все, что осталось отъ разорваннаго непріятельскимъ снарядомъ молодого красавца.

Послѣ первой панихиды у гроба, уѣхали домой рыдающія сестры. Матери не было, она оставалась

дома. Родные, родственники и знакомые тоже постепенно покидали церковь. Рѣдѣла толпа вокругъ гроба. Уходя тихо совѣщались о завтрашнемъ днѣ похоронъ. Наконецъ схлынули на церковную паперть послѣдніе молящіеся.

У свинцоваго ящика, хранившаго въ себѣ послѣдній земной слѣдъ погибшаго, оставалась теперь только она, безутѣшная Елена.

Попрежнему безъ слезъ стояла у дорогого изголовья молодая вдова. Сторожъ потушилъ церковную люстру, и только тонкія восковыя свѣчи да лампады освѣщали теперь соборъ. Гдѣ-то гремѣлъ ключами сторожъ и громко читала монахиня у гроба, нанятая до утра.

Елена не могла ни думать, ни страдать, ни молиться. Невыплаканныя слезы камнемъ ложились на сердце; сплошнымъ, безпросвѣтнымъ мракомъ закрылась душа. Особенно четко и навязчиво вонзались въ мозгъ слова Писанія, дробно и быстро сѣемыя монахиней. Но на нихъ не останавливалась мысль.

Въ холодномъ, замкнутомъ отчаяніи стояла на колѣнахъ у гроба молодая Чаева, вся застывшая въ своемъ горѣ, не слыхала, какъ остановился экипажъ у паперти собора, какъ, мягко шелестя подошвами по церковнымъ плитамъ, подходилъ къ ней кто-то, какъ высокая, прямая, словно стрѣла фигура старой женщины въ глубокомъ траурѣ приблизилась къ гробу и встала по другую сторону его.

Потянулось время, гнетущее, мертвое и неизбѣжное, какъ могила.

Попрежнему по обѣ стороны гроба неподвижно стояли молчаливыя фигуры двухъ женщинъ въ черномъ—старой и молодой.

Вдругъ выпала тонкая свѣча изъ рукъ чтицы-монахини, и на время оборвался ея гнусавый голосъ.

Старая женщина вздрогнула, повернула голову, взглянула на молодую и... въ тотъ же мигъ увидала отраженіе своего горя, своего отчаянія и холодной, мертвой тоски въ поднятыхъ на нее глазахъ молодой. И старое сердце дрогнуло, сжалось въ комокъ.

Анфиса Алексѣевна шагнула съ исковерканнымъ нечеловѣческой мукой лицомъ къ Еленѣ. Та вся подалась впередъ и съ воплемъ рванулась навстрѣчу свекрови. Широко раскрылись объятія старой Чаевой. Метнулась въ нихъ Елена, и обѣ женщины — старая и молодая — глухо зарыдали, тѣсно прижавшись одна къ другой...

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Виновна, но... Романъ мятежной души.

Изданіе второе.

122223 1797

ПРОДАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

и у Автора

Петроградъ, Щербаковъ пер., д. 1, кв. 16,
(уголъ Фонтанки).

Цѣна 1 р.

37.77.5.31